

ГЕРЦЕН-ИЗДАТЕЛЬ И ЕГО СОТРУДНИКИ

Обзор М. Клевенского

В своей статье «Памяти Герцена», написанной по поводу столетия со дня рождения великого публициста, В. И. Ленин говорит об его издательской деятельности: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»¹.

Мысль об основании за границей русской типографии явилась впервые у Герцена очень рано — еще в 1849 г., как только выяснилось, что обратный путь в Россию для него отрезан. «Еще в 1849 г. я думал начать в Париже печатание русских книг; но гонимый из страны в страну, преследуемый рядом страшных бедствий, я не мог исполнить моего предприятия»². В 1863 г. Герцен так вспоминал об этих своих планах: «В 1849 г. я писал моим друзьям в Россию (у меня были тогда друзья в России), что я остаюсь на Западе исключительно для того, чтоб начать свободную русскую речь, устроить для России бесцензурный орган, и исключительно занимался этим с тех пор»³.

В 1853 г. явилась возможность осуществить эту давнюю мечту Герцена. С самого начала этого года он отдается делу создания русской типографии в Лондоне. Герцен вполне отдавал себе отчет в исторической важности своего начинания и знал, что если оно ему удастся, то он совершит дело громадного революционного значения. Из многочисленных его высказываний на этот счет приведем некоторые. Их особенно много в письмах Герцена той поры к его другу М. К. Рейхель. «Типография будет, и если я ничего не сделаю больше, эта инициатива русской гласности когда-нибудь будет оценена!» — пишет он 8 апреля 1853 г. «Я, с своей стороны, уверен, что это — лучшее дело моей жизни», говорится в письме от 18 апреля. Через год, 12 февраля 1854 г., Герцен указывает той же корреспондентке, что от заведения типографии за границей начинается новый период русской революционной деятельности.

Одно из первых публичных заявлений Герцена о начинаемой им деятельности издателя — это письмо в редакцию газеты «Польский демократ». В конце этого письма говорится: «Нам, русским эмигрантам, покинувшим родину из-за любви к ней, следует создать свободную трибуну русской речи за пределами России!.. Основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел. Таково мое глубокое убеждение»⁴.

К русскому обществу Герцен обратился с воззванием «Братьям на Руси»; оно было отлитографировано отдельным листком с датой 21 февраля 1853 г. Извещая об основании русского печатания за границей, Герцен приглашал всех свободно мыслящих русских воспользоваться открывающейся возможностью бесцензурной речи и присылать в Лондон для напечатания всё, написанное «в духе свободы» — научные статьи, романы, повести, стихотворения. «Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет? — это останется на вашей совести. Если мы не получим ничего из России, это будет не наша вина. Если вам покой дороже свободной речи, молчите». В случае неимения ничего готового, Герцен просил при-

сылать ходившие по рукам запрещенные стихотворения — Рыльева, Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.

Типография Герцена начала действовать 22 июня 1853 г. Самую существенную помощь в организации типографии ему оказали польские эмигранты и прежде всего Станислав Ворцель. Первым произведением Вольной русской типографии⁵ был листок «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» с датой 20 июля 1853 г. Совершенно естественно, что самые первые странички, отпечатанные в лондонской типографии, были посвящены вопросу о крепостном праве и освобождении крестьян; Герцен был убежден, что этот вопрос по своему значению для России стоит безусловно впереди всех других. 5 февраля 1853 г. он писал М. К. Рейхель: «Главное теперь — пропаганда об эмансипации мужиков». Вторым выпуском типографии Герцена был его листок «Поляки прощают нас», третьим — «Крещеная собственность».

Нужны были громадная вера в свое дело и упорная настойчивость чтобы продолжать издание русской литературы за границей при тех условиях, в которых оно началось. Русские друзья Герцена, жившие под тяжчайшим гнетом последних лет николаевского царствования, были прямо испуганы его предприятием и не только не оказали ему никакой поддержки, но старались убедить его бросить это дело. «Вера в будущее России одна пережила все другое. Но связь моя с вами ослабла в продолжение этих бурных лет; для того, чтобы оживить ее, я завел русскую типографию и приглашал, звал, просил всех, но в продолжение двух лет никто не откликнулся. Я не упал от этого духом и был готов продолжать мой труд, но мне было больно это молчание»⁶. «Весть о том, что мы печатаем поружски в Лондоне — испугала. Свободное русское слово сконфузило и обдало ужасом не только дальних, но и близких людей, оно было слишком резко для уха, привыкшего к шопоту и молчанию; бесцензурная речь производила боль, казалась неосторожностью, чуть не доносом»⁷. Знаменитый актер — М. С. Щепкин, очень близкий к Герцену, в сентябре 1853 г. приехал специально в Лондон, чтобы уговорить Герцена отказаться от своей мысли. Говоря от лица и других московских друзей, Щепкин доказывал Герцену, что своим печатаньем он не принесет никакой пользы и только погубит массу людей в России. Старик говорил даже, что он на коленях готов просить Герцена остановиться... Один из самых дорогих для Герцена в России людей, Грановский, уже в 1855 г., после выхода первой книжки «Полярной Звезды» находил издательскую деятельность Герцена жалкой и ничтожной. За два дня до смерти он писал Кавелину, что у него чешутся руки ответить Герцену в его собственном издании, т. е. в «Полярной Звезде». Весьма вероятно, что если бы не помешала смерть, он привел бы свое желание в исполнение.

Переписка Герцена с Рейхель показывает, как долго и тщетно он добивался присылки из России хотя бы запретных стихотворений Пушкина, Лермонтова и др. Никто ничего не присылал.

В статье, посвященной десятилетию своей типографии, Герцен рассказал, как он печатал три года, не только не продав ни одного экземпляра, но даже не имея возможности почти ни одного экземпляра своих изданий послать в Россию, кроме самых первых воззваний, отправленных поляками в Варшаву. Все напечатанное лежало горами на складе. Целым событием явилось то, что однажды какой-то книгопродавец прислал купить на 10 шиллингов «Крещеной собственности».

Смерть Николая I в феврале 1855 г. вызвала у Герцена надежды на то, что дело его издательства сойдет с мертвой точки. Он решил, что нельзя ограничиваться выпуском одних брошюр и воззваний, а нужно вступить в более правильное общение с русскими читателями, которых для зарубежной прессы еще не было, но создать которых Герцен стремился. С этой целью он основал периодический сборник, который, для поддержания декабристской традиции, назвал «Полярной Звездой»: «Русское периодическое издание, — писал Герцен в предисловии, — выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей, принимает это название, чтобы показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь

и кровное родство». Первая книжка нового издания вышла 25 июля н. ст. 1855 г., в годовщину казни декабристов (13 июля ст. ст.). Она имела подзаголовок «Третнее обозрение освобождающейся Руси». Герцен имел в виду давать в год 3 или 4 таких сборника. Однако, во второй книжке уже нет наименования «Третнее обозрение»: «Полярную Звезду» не оказалось возможным издавать так часто, как думал Герцен; пришлось выпускать в среднем по одной книжке в год.

Момент выхода первой книжки «Полярной Звезды» был переломным в отношении русского общества к изданиям Герцена. Прежняя враждебность или безучастие стали сменяться сочувствием. «С половины прошлого [т. е. 1855. — М. К.] года все переменялось: слова горячей симпатии, живого участия, дружеского одобрения стали доходить до меня». Накануне нового — 1856 года Герцен получил анонимное письмо из Петербурга, которое тронуло его до слез: писавшие его юноши благодарили Герцена за типографию и за «Полярную Звезду». Письмо это Герцен напечатал во второй книге «Полярной Звезды». На «Полярную Звезду» начался некоторый спрос; в России за книжку давали баснословную цену: 15—20 руб.

Однако, сначала продажа возрастала довольно медленно: первую книжку «Полярной Звезды», по словам Герцена, продавали «десятками экземпляров» — это еще немного. Кроме того, книги, прежде напечатанные, почти не требовались и по-прежнему лежали без движения. Кое-как расходились только «Тюрьма и ссылка» и «Крещеная собственность» Герцена.

По-настоящему новая эра для лондонского издательства началась уже в 1856 г. «В мае месяце 1856 г. вышла вторая книжка «Полярной Звезды», она разошлась, увлекая за собой все остальное. Вся масса книг тронулась. В начале 1857 г. не было больше в типографии ничего печатного, и Трюбнер предпринял на свой счет второе издание всего напечатанного нами...⁸ С половины 1857 г. издержки типографии стали покрываться, к концу 1858 г. был небольшой избыток...».

О том, какими быстрыми темпами развивались дела издательства, дает представление переписка Герцена. 10 июня 1856 г. он с торжеством сообщает М. К. Рейхель, что с заключения мира Трюбнер продал герценовских изданий на две тысячи с лишним франков; 16 июня добавляет, что русских книг продано еще на 300 франков. 23 он пишет, что книги идут удивительно. 16 декабря 1856 г.: «Вы знаете, что с апреля продано на 10.000 франков моих книг?! Из них 5000 взял себе Трюбнер, а 5 заплатил мне сполна».

Еще выразительнее говорят об успехах издательства письма Герцена за 1857 год. 9 апреля он пишет Карлу Фогту: «Вы не можете себе вообразить, какие размеры принимает наша лондонская пропаганда. Книги мои чудесно продаются, издержки покрываются. Пример: третий том «Пол[ярной] Звезды» выйдет 15 апреля. Заказано уже 300 экземпляров, и я могу рассчитывать еще на двести к 1 мая. Никогда бы я не поверил ничему подобному во времена славного Николая...». Из письма к И. С. Тургеневу от 29 августа: «Книги русские идут прекрасно, Трюбнер ваяет второе издание в 1500 и 2000 экземпляров». Из письма к Мишле от 21 ноября: «Наша пропаганда все разрастается, мы печатаем тысячами экземпляров и все распродаем». И, наконец, 18 декабря Герцен извещает Тургенева: «Успех нашей пропаганды monte.. monte.. monte. Теперь уже набирают три француза, три англичанина (не зная ни одной русской буквы) и наши поляки. 2-е издание «Пол[ярной] Звезды» в 1500 экз[емпляров] уже расходуется. Пишем, корреспонденций получаем много».

В 1855 г. Герцен, получив первую русскую статью («Что такое государство?»), «принял ее с тем чувством надежды, с которым в ковчеге была принята весть, принесенная голубем». А это была статья, писанная эмигрантом (Энгельсоном), а не полученная из России. В следующем году в распоряжении Герцена оказалось столько статей из России, что он основал особый сборник «Голоса из России».

В 1857 г. «Полярной Звезды» и «Голосов из России» оказалось уже недостаточно — 1 июля вышел первый номер «Колокола» (со скромным подзаголовком «Прибавочные листы к Полярной Звезде»). Н. А. Тучкова-Огарева оставила рассказ о том происходившем при ней разговоре Герцена и Огарева, когда они решили

издавать этот новый орган. По ее словам, Огарев сказал: «А знаешь, Александр, «Полярная Звезда», «Былое и думы» — все это хорошо, но это не то, что нужно, это не беседа со своими, нам нужно бы издавать правильно журнал, хоть в две недели, хоть в месяц раз: мы бы излагали свои взгляды, желания для России и проч.» Герцен был в восторге от этой мысли: «Да, Огарев, — вскричал он с оживлением, — давай издавать журнал, назовем его «Колокол», ударим в вечевой колокол, только вдвоем, как на Воробьевых горах мы были тоже только двое, — и кто знает, может кто-нибудь и откликнется!»⁹.

М. К. Лемке говорит, что этот рассказ Огаревой представляется ему весьма деланным. Это впечатление, конечно, верное, но самую суть дела Огарева передала все-таки правильно. Об инициативной роли Огарева в создании «Колокола» Герцен неоднократно заявлял совершенно определенно в печати. — например: «В начале 1857 г. Огарев предложил издавать «Колокол»¹⁰. Или: «Колокол основал Огарев» (письмо к Тургеневу от 22 ноября 1862 г.).

С возникновения «Колокола» начался самый блестящий период издательской деятельности Герцена. Дело настолько расширилось, что одной типографии оказывалось уже недостаточно. Первые издания Герцен печатал в своей типографии; выпущенные книги он продавал преимущественно Трюбнеру. Некоторая часть проходила и через книжную лавку Тхоржевского. Вторые издания, обыкновенно, заранее полностью продавались Трюбнеру и печатались последним в русско-польской типографии Зено Свентославского, возникшей в 1858 г.

Если в первые годы существования лондонской типографии самым больным местом являлось полное отсутствие доставки материалов из России, то теперь Герцен был прямо завален такими материалами. Кельсиев, близко стоявший к лондонским издательским делам с мая 1859 г., свидетельствует, что всяких рукописей присылалось в Лондон по почте несметное множество: одних не франкированных писем Герцен получал шиллингов на 10 (т. е. рубля на 3) в день, так что ему положительно не было возможности самому проглядывать всю эту туду бумаг. А ведь, кроме посылок по почте, очень многие материалы доставлялись Герцену и непосредственно его посетителями, которых в эти годы у него перебивал целый поток.

Громадные симпатии к Герцену и его деятельности выражались во многих получавшихся им письмах. «В России все закипает, какие письма приходят иногда, и чорт знает откуда — из Казани, из Оренбурга, — из Казани нам пишут такие симпатии, что чудо», — писал Герцен Тургеневу в январе 1861 г.

В литературе много раз говорилось о причинах охлаждения русского общества к Герцену, и мы не станем касаться здесь этого вопроса. Признаки такого охлаждения начались уже в 1862 г. «Колокол» гораздо менее читается в России с тех пор, как в нем стал первенствовать Огарев» — эта фраза стала в России тем, что в Англии называется «a truism», — писал Тургенев Герцену 3 декабря 1862 г.¹¹. В то же самое время в № 152 «Колокола» (от 15 декабря 1862) издатели поместили знаменательную статью Герцена «Пути! Пути!», в которой они жаловались на отсутствие всякой энергии со стороны читателей в деле распространения «Колокола» в России.

В 1863 г. оторванность «Колокола» от России проявилась в катастрофических размерах. В № 197 «Колокола» (июнь 1865 г.) в статье «Нашим читателям» Герцен говорит: «При всех наших усилиях, при всех общих статьях мы не сделаем «Колокола» живым русским органом без корреспонденций из края. В последние два года их было очень мало. Мы заявляем вам это». Очевидно, приток корреспонденций кончился именно в 1863 г.

В 1864 г. в России уже распространялись слухи о полном прекращении «Колокола». Герцен энергично протестовал против этих слухов». В № 190 (от 19 октября 1864 г.) он и Огарев заявляли: «Разнесся слух о прекращении «Колокола»... Сойти со сцены теперь значит окончательно усомниться в России. Такого торжества мы не дадим еще законным врагам свободного слова в России. «Колокол» при нашей жизни только прекратится уничтожением всякой цензуры в России.

И то, если это уничтожение будет не австрийское, не прусское, а действительное. До тех пор, кажется, много воды утечет»¹².

1865 год принес важное изменение в деле Герцена: он перенес свою издательскую деятельность из Лондона в Женеву. Герцен стал чувствовать себя в Лондоне слишком оторванным от европейской жизни вообще и в частности от общения с русскими путешественниками и с русской эмиграцией. «Что «Колокол» издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя, это для меня ясно», — писал Герцен Огареву из Швейцарии 4 января 1865 г. «Здесь перекрещиваются беспрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр.. В мае началась установка перевезенной из Лондона типографии, 25 мая вышел № 197 «Колокола». Начался последний период издательства Герцена.

Перебираясь в Женеву, Герцен имел в виду привлечь к ближнему участию в «Колоколе» молодых русских эмигрантов, проживавших в довольно большом количестве в Женеве и Цюрихе. Переговоры с этой эмиграцией он вел еще в январе 1865 г. Результаты получились отрицательные. Представители эмиграции требовали, чтобы ведение газеты было передано целой корпорации эмигрантов, так, чтобы редакционные вопросы решались по большинству голосов. Этой же корпорации должен был быть передан известный бахматовский фонд, находившийся в распоряжении Герцена. Герцен не согласился выпустить редакцию из своих рук¹³. 8 марта он, таким образом, подвел итоги переговоров в письме к Огареву: «У них нет ни связей, ни таланта, ни образования; один Мечников умест писать; им хочется играть роль, и они хотят нас употребить пьедесталом». Герцен остался единственным распорядителем «Колокола». Конечно, отдельные эмигранты (или приезжавшие из России представители молодого революционного поколения) являлись в женевский период сотрудниками Герцена, как в «Колоколе», так и в качестве авторов отдельных изданий, — например, Николадзе, Л. Мечников, Н. Утин, Элпидин, Худяков, Ворис.

На всей издательской деятельности Герцена в Женеве лежит печать борьбы с неизбежным надвигающимся концом. Переезд в Швейцарию вовсе не способствовал оживлению связей с Россией. Ко всему прочему прибавлялось еще и то, что по временам Огарев из-за болезни надолго терял работоспособность, так что Герцен оставался один. Он очень мечтал о том, чтобы передать кому-нибудь всю материальную часть издательства, но подходящих людей не находилось.

Герцен сознавал, что продолжать издавать «Колокол» он лишь поддерживает известное знамя, спустить которое было бы постыдно. Он пишет сыну 9 марта 1866 г.: «Колокол» может выходить раз в месяц, но выходить должен: это honneur du drapeau и якорь спасения всего сделанного... Покинуть «Колокол» теперь — значит подать в отставку». Письма Огареву за 1867 г. полны указаний на то, что имеющийся в редакции небольшой литературный материал нужно выпускать крайне бережно. «Из чего нам так роскошествовать? «Колокол» надобно поддерживать как знамя, и потому с некоторой экономией располагать материал» (письмо от 7 января). Или: «Как можно нам (без читателей) бросать материал?» (письмо от 8 января).

Окончательные грустные итоги Герцен подвел в письме от 26 февраля 1867 г. из Венеции: «Русские говорят, что в Петербурге и Москве решительно никто «Колокола» не читает и что его вовсе нет; что прежде разные книгопродавцы sous main хоть продавали, а теперь пожимают плечами и говорят: «Никто не требует».

Наконец, в № 244—245 «Колокола» (от 1 июля 1867 г.) за подписью Герцена и Огарева появилось обращение к читателям под заглавием «1857—1867». Издатели напоминали, что этим номером заканчивается первое десятилетие «Колокола» («Десять лет! Мы их выдержали и, главное, выдержали пять последних — они были тяжелы...»), и объявляли, что они хотя бы приостановить издание на полгода. Мотивировка этого перерыва давалась такая: «Теперь мы хотим перевести дух, отереть пот, собрать свежие силы... Мы хотим еще раз спокойно, без увлечений срочной работой, взглянуть в то, что делается дома, куда волна идет,

куда ветер тянет; мы хотим проверить, в чем мы были правы и где ошибались». К концу года Герцен и Огарев обещали, если удастся, издать ряд статей в особой книжке под заглавием «Сборник Колокола».

Обещанный сборник не вышел в свет, как не продолжался с января 1868 г. и русский «Колокол». В указанной статье Герцена и Огарева говорилось: «Пауза наша имеет для нас еще то значение, что она нас поставит в возможность вымерить, насколько велик или слаб, жив или мертв интерес к изданию «Колокола» и насколько заметят его временное отсутствие». Опыт этот дал весьма определенные результаты, о чем Герцен писал 7 ноября 1867 г. Огареву: «Заметь, ни одного русского голоса — ни даже частного. «Колокол» умер, как Клейнмихель, «никем не оплакан» — и мы лезли из шкуры для этой милой сволочи...».

С декабря 1867 по декабрь 1868 г. вместо «Колокола» выходил «Колокол» на французском языке (с русскими прибавлениями), ставивший прежде всего целью информацию западной Европы о России и русских делах. Очень скоро пришлось отказаться и от этого предприятия. В последнем номере в статье «Письмо к Н. Огареву» («Lettre à N. Ogareff») Герцен с горечью говорил: «Ты знаешь, с каким упорством я настаивал с 1864 г. на продолжении «Колокола», но, придя, наконец, к убеждению, что существование его становится деланным, искусственным, я больше не могу настаивать... Год тому назад я думал, что французское издание может заменить русский «Колокол»: это была ошибка. Нашим истинным призванием было звать своих живых и отвечать усопших, а не рассказывать своим соседям историю наших могил и колыбелей. Тем более, что они весьма умеренно интересуются этим»¹⁴.

После долгого перерыва (с 1862 г.) в Женеве снова появилась «Полярная Звезда». В феврале 1867 г. эмигранты Н. Утин, Л. Мечников и Н. Жуковский начали с Огаревым переговоры о возобновлении на счет нескольких почитателей Герцена «Полярной Звезды» по четвертям года. Герцен, находившийся тогда в Италии, охотно согласился на восстановление «квартального надзирателя», как он шутя называл четвертное обозрение. Однако, очень скоро он убедился в несерьезном характере этой затеи: «Revue будут издавать общими силами, но так, что деньги и статьи будут наши»¹⁵. Позже, в конце 1868 г. VIII книга «Полярной Звезды», содержащая в себе только статьи Герцена и стихотворения Огарева, вышла обычным порядком, т. е. на средства и под редакцией Герцена. Он имел в виду выпустить и 2-ю часть VIII книги, но это намерение не осуществилось.

Помимо «Колокола» и «Полярной Звезды», в Женеве вышло и несколько отдельных изданий — в ничтожном количестве, сравнительно с продукцией лондонской типографии. Это были: «Былое и думы» (4 тома) и «Еще раз» — Герцена, анонимная брошюра «На смерть М. И. Михайлова», «Правительство и молодое поколение» — Никифора Г. [Николадзе], брошюра «Для истинных христиан» — Игнатия [Худякова], «Землеописание для народа» [Мечникова, Огарева и Шевелева], «Письмо к генералу Трепову» — Ф. Вихерского. По поводу всех заграничных изданий последних годов Герцен 17 марта 1863 г. писал Огареву: «Все, что мы печатаем за границей по-русски — филантропия и самообман, ничего не идет».

Издательская деятельность Герцена за границей продолжалась с 1853 по 1869 г. Даже чисто-количественные результаты этой деятельности были очень велики. Из периодических изданий на первом месте, по степени распространенности и силе влияния, стоял «Колокол»: за 1857—1867 гг. вышло 245 номеров (некоторые номера двойные); выходил он обыкновенно два раза в месяц, по временам — каждую неделю, иногда — раз в месяц. Французский «Колокол» выходил с 15 декабря 1867 г. по 1 декабря 1868 г., сначала два раза в месяц, потом один раз. По временам появлялось «Русское прибавление» к нему — всего 6 номеров (последний номер двойной). 15 февраля 1869 г. «Колокол» окончил свое существование. В этот день вышел «Supplément du Kolokol» (часть текста в нем была напечатана по-русски). Прибавлениями к «Колоколу» являлись листок «Под суд!» и «Общее Вече». Листок «Под суд!» существовал с 1 октября 1859 г. до 22 апреля 1862 г.; всего вышло 13 номеров. «Общее Вече», имевшее в виду, прежде всего,

раскольников, выходило в неопределенные сроки с 15 июля 1862 г. по 15 июля 1864 г. (всего 29 номеров); главным его работником был Огарев. В 1856—1863 гг. вышло 9 книг «Голосов из России». «Полярная Звезда» выходила, как и «Голоса из России», по мере накопления материала. В Лондоне за 1855—1862 гг. было издано 7 книг (фактически 8, потому что 7-я была в двух выпусках); в конце 1868 г. в Женеве была отпечатана 8-я книга.

Кроме периодических изданий, Герценом было выпущено несколько сборников. «Исторический сборник Вольной русской типографии» в двух книгах дал массу исторических материалов разного рода за время от Петра I до Николая I. Специальный интерес представляли «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (4 выпуска) и «Собрание постановлений по части раскола» (2 выпуска). В деле изучения истории раскола эти сборники сыграли очень большую роль. К сборникам нужно отнести и книгу «Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения» (1861 г.). К сборникам, изданным в герценовской типографии, следует также отнести и два малозвестных стихотворных сборника, рассчитанных на самый широкий круг читателей. Это «Солдатские песни», отпечатанные в ноябре 1862 г., и сборник «Свободные русские песни», вышедший в свет в конце 1863 г. — «первый на Руси свободный песенник», как называют его Герцен и Огарев в предисловии. Последний имел ложное цензурное дозволение («дозволено цензурою, С.-Петербург. 3 мая 1863 г.») и ложное место печатания («Кронштадт. В типографии Главной брандвахты») и очевидно предназначался для широкого обращения в России.

Из отдельных книг, посвященных прошлому России, совершенно исключительный интерес имели записки Екатерины II, вызвавшие настоящую сенсацию. Затем следует назвать записки кн. Дашковой и И. В. Лопухина, книги М. М. Шербакова и Радищева, записки декабристов Якушкина и Трубецкого, книгу «14 декабря 1825 г. и император Николай», стихотворения Рыльева.

В сборниках и отдельных изданиях Герцен пустил в оборот громадное количество ценных исторических материалов, начиная, главным образом, со времен Екатерины II. Им были раскрыты тщательно оберегаемые тайны Зимнего дворца, выявлены движения оппозиционной и революционной общественной мысли. При этом особенно большое внимание уделял Герцен тем, кого он считал своими прямыми учителями, — декабристам, а из поэтов — Пушкину. При условиях работы Герцена, в его публикациях не могло не быть значительного количества погрешностей, но они теряют свое значение сравнительно с тем положительным значением, которое имели печатаемые Герценом материалы для изучения ближайшего прошлого России.

Исторические интересы были очень сильны у Герцена, но, конечно, не они стояли у него на первом плане. Он был, прежде всего, публицистом, стремился больше всего освещать не прошлую, а современную ему Россию. Этому и посвящены, прежде всего, издававшиеся Герценом периодические и полупериодические издания. Из отдельных книг публицистического содержания, выпущенных Вольной русской типографией, на первом месте стояли сочинения самого Герцена и Огарева.

Для того чтобы совершить свое громадное историческое дело создания зарубежной русской прессы, Герцен нуждался в очень многих сотрудниках и пособиях. Как руководителю «Колокола» и других изданий, стремившихся осветить во всей полноте современную ему жизнь и вскрыть все пороки и преступления самодержавной власти, ему нужны были связи с Россией, получение отсюда информации разного рода. Кто были эти пособия Герцена, доставлявшие ему необходимые сведения? В громадном большинстве случаев их имена нам неизвестны и останутся неизвестными навсегда. Герцену приходили на помощь рядовые обыватели.

Для освещения всех дефектов государственного аппарата, всего того, что тщательно скрывало или искажало правительство Александра II, очень важна была помощь, которую оказывали Герцену чиновники разного рода. «У низших и высших чиновников некоторых канцелярий сидели наилучшие герценовские корреспонденты», — пишет Кельсиев¹⁶. Об этих чиновниках, доставлявших сведения в

Лондон, говорит в своих воспоминаниях Шелгунов: «Громадный секретный материал министерства внутренних дел о раскольниках весь по частям был списан и выслан Герцену в Лондон. О размере этого материала можно судить по шести томам сборника Кельсиева. А сколько, кроме того, высылалось копий с официальных столичных и провинциальных распоряжений и постановлений, записок, докладов и т. д. и всяких других негласных сведений для напечатания в «Колокол». Чем секретнее была мера или распоряжение, тем было больше вероятия, что о ней уже будет напечатано в „Колоколе“»¹⁷. Известный реакционер Мещерский вспоминает: «Помню я, как один почтенный друг нашей семьи, старый служака николаевских времен, рассказывал с меланхоличным юмором, как теперь у них во всех министерствах забили тревогу; везде явились корреспонденты Герцена из министерства; то были и столоначальники, и начальники отделений, вследствие этого все начальства, до министра включительно, — с одной стороны, трепетно и злобно доискивались: кто из них Иуда, а с другой стороны — жили в нервном страхе Герцена, ибо знали, что Герцен имеет читателей в Зимнем дворце»¹⁸. Благодаря таким осведомителям был, например, опубликован в «Колоколе» 1859 г. и 1860 г. государственный бюджет, составивший тогда большую государственную тайну. Типичный представитель корреспондентов «Колокола» из государственного аппарата — С. Громека, великолепно использовавший свое служебное положение в министерстве внутренних дел для доставления сведений Герцену.

Необходимость борьбы с герценовскими корреспондентами из чиновников вызвала даже специальное правительственное распоряжение: 18 марта 1862 г. всем губернаторам было приказано обратить особое внимание на личный состав своих канцелярий и возложить производство секретных дел только на таких лиц, которые имеют «правильное понятие о служебном долге», иначе неизбежно опубликование в русских заграничных изданиях секретных, не подлежащих оглашению распоряжений правительства¹⁹.

Эти осведомители Герцена в массе своей безыменны и не подлежат никакому учету. Разумеется, очень часто — вероятно, даже в большинстве случаев — чиновники не сами отсылали Герцену добытые ими сведения, а пользовались помощью каких-нибудь посредников.

Помимо этой безыменной массы, ограничивавшейся добыванием сырых материалов из канцелярий и департаментов, и более, так сказать, квалифицированные сотрудники герценовских изданий в каком-то огромном проценте неизвестны нам по именам — и так и останутся неизвестными, раз дело идет об участии в нелегальных заграничных изданиях. Только определенная группа лиц — эмигранты, для которых был закрыт путь в Россию, могли выступать на страницах этих изданий открыто.

Все-таки, значительное количество лиц, помогавших так или иначе Герцену в его издательской деятельности, может быть установлено. Настоящая работа и ставит своей целью учесть возможно полнее сотрудников Герцена в самом широком смысле слова. Мы имеем в виду не только авторов, но также лиц, доставлявших ему материал, переводчиков, корректоров, наборщиков и, вообще, типографских работников (идейных, конечно), организаторов сношений Герцена с Россией и пр. Список всех этих лиц дается дальше в алфавитном порядке. Не внесены в список те, участие которых является только возможным. Так, например, в литературе есть слишком уж глухие указания, что автором стихотворения «Двуглавый орел», помещенного в четвертой книжке «Голосов из России», был поэт В. С. Курочкин. Более точны указания на принадлежность ему же широко распространенной песни «Долго нас помещики душили», напечатанной и в «Русской поганой литературе» и в сборнике «Свободные русские песни». Мы лично думаем, что очень возможно участие в изданиях Герцена В. Ф. Лугинина и эмигранта П. А. Спиридова — но это только возможность.

Составленный нами список сотрудников Герцена далек от полноты. Мы можем ожидать раскрытия еще значительного числа имен, — как на основании новых архивных изысканий (здесь особенно важен был бы находящийся за границей архив

Герцена), так и в результате более углубленного изучения имеющихся уже в литературе крайне разбросанных материалов, которые, именно вследствие своей дробности, до сих пор остаются неучтенными во всем своем объеме.

Целый ряд статей в герценовских изданиях вызывает интерес к вопросу, кто является их автором. На первом месте нужно назвать статью «Письмо из провинции» с подписью «Русский человек» в № 64 «Колокола». Это — та знаменитая статья, в которой автор, упрекая Герцена за умеренность и излишнюю снисходительность к царской фамилии, советует ему не благовестить к молочку, а звонить в набат и звать Русь к топору. Вопрос об авторе этого интереснейшего письма, конечно, очень важен. На основании заявления А. А. Слепцова, а также по содержанию и стилю этой статьи, М. К. Лемке и другие исследователи считают автором «Письма» Н. Г. Чернышевского. Однако, мы не вносим в свой список Чернышевского: нам кажутся вполне обоснованными соображения, высказанные в недавнее время по этому вопросу Б. П. Козьминным, решительно отрицающим авторство Чернышевского²⁰. Вопрос до сих пор окончательно не разрешен.

Многие псевдонимы в «Колоколе» и других изданиях до сих пор еще не раскрыты. Так, мы не знаем, кто такой «А. Спартанский», приславший в редакцию два письма в защиту Чичерина; второе из этих писем было напечатано в № 32—33 («Письмо в защиту г. Ч.»). Кто такой «Фирс Холмогоров», стихотворение которого помещено в 14 номере «Общего Веча»? Огарев ли, что очень вероятно, или кто-нибудь другой? Чье обращение «К русским женщинам» («Колокол», № 158; подписано «Украинка»)? По своим связям с Герценом приходит в голову Марко Вовчок (которая, кстати сказать, привезла для передачи Герцену некоторые материалы — например, о смерти Павла I для «Исторического сборника»), но обосновать это предположение нельзя. Псевдоним «Некрасовец — казак в Турции жительствоующий» («О казаках-некрасовцах», — «Колокол», № 124), естественно, заставляет прежде всего подумать об известном Осипе Гончаре, в 1863 г. приезжавшем к Герцену в Лондон. Но тут мешает то соображение, что с Гончаром из лондонских эмигрантов впервые познакомился Кельсиев, приехавший в Константинополь лишь в октябре 1862 г., а письмо «Казака-некрасовца» напечатано в «Колоколе» от 1 марта 1862 г. Все-таки, авторство Гончара не вполне исключено. Укажем еще ряд псевдонимов, не раскрытых (если не ошибаемся) в литературе: «Один из многих» («Братское слово», — «Колокол», № 171); «Семинарист» («Православным от православного», — «Общее вече», № 28); «Летописец» («Из летописи за два последних года», — «Колокол», №№ 172, 173); «Финляндец» («Голос из Финляндии», — «Колокол», № 173); «Аседия» («Современные заметки», — «Колокол», № 205); «Русский» (большая статья «Финансовое положение», — «Колокол», №№ 222—228); «Изменник» («Изменник России», — Русское прибавление к «KoloKol», № 23); «Гражданский самоубийца» («Анонимное письмо», — «Полярная Звезда», книга I) и др. Точно так же многое остается невыясненным и в анонимных публикациях Герцена. Можно надеяться, что в дальнейшем часть этих пока неизвестных авторов будет установлена.

Понятно, что в список не внесен Огарев, — его нельзя отделять от Герцена при той роли, которую он играл в издательской работе последнего, на всем ее протяжении.

Не отмечены и иностранцы, участвовавшие в герценовских изданиях (Гарibaldi, Мацини, Виктор Гюго, Прудон, Мишле, Карлейль, Шаландье и др.). Разработка перечня иностранцев — сотрудников герценовских изданий составляет задачу особого порядка, осуществление которой стоит на очереди.

В заключение считаем нужным оговориться, что настоящий список может оказаться не свободным от тех или иных пробелов и неточностей. При той крайней разбросанности и дробности относящегося сюда материала, о которых мы говорили, избежать такого рода пробелов и неточностей было трудно. Полагаем, однако, что как первая, по сути дела, попытка в данном направлении список принесет свою пользу всем работающим в области истории русской литературы и общественной мысли.

СОТРУДНИКИ ГЕРЦЕНОВСКИХ ИЗДАНИЙ

Абихт Генрих — поляк-эмигрант. Не окончив курса гимназии, он был писцом в почтовом ведомстве. После эмиграции был в Лондоне почти год наборщиком в типографии Герцена в 1858—1859 гг.; затем переехал в Париж. Абихт принадлежал к польским социалистам. Принял участие в польском восстании и был повешен в 1863 г. в Варшаве вместе с капуцином Макаром Конарским. Имя Абихта встречается в переписке Герцена 1858—1859 гг. О его смерти Герцен рассказал в статье «Подлые» («Колокол», № 166), заимствовав сведения об этом из газеты «Наше Время». В. И. Кельсиев, после возвращения в Россию, напечатал в «Русском Вестнике» (1869 г., № 1) статью «Эмигрант Абихт».

Аксаков Иван Сергеевич. — В конце 50-х годов отношения между Герценом и Аксаковым были очень дружественными. В августе 1857 г. он посетил Герцена в Лондоне, о чем последний сообщал И. С. Тургеневу: «Здесь был Ив. Аксаков, и мы с ним очень, очень сошлись...». Огарева-Гучкова пишет: «В продолжение нескольких дней Герцен и Аксаков много спорили, ни один не считал себя побежденным, но у них было обоюдное уважение, даже больше — какая-то симпатия, какое-то влечение друг к другу; так они и расстались бойцами одного дела, но с разных отдаленных точек»²¹. Аксаков дал Герцену согласие на напечатание своей комедии «Присутственный день уголовной палаты», не пропущенной в России цензурой. Комедия появилась в IV книжке «Полярной Звезды» без имени автора. На этом не окончилось сотрудничество Аксакова у Герцена. В октябре того же 1857 г. он в письме рекомендует Герцену рассказать в «Колоколе» о случае с учителем корпуса Басистовым, о его статье в «Петербургских Ведомостях» и о трениях, возникших по этому поводу между Ростовцевым и Вяземским²². Значительно позже, 16 апреля 1860 г., Аксаков пишет Герцену из Мюнхена: «Я получил вчера с оказией очень подробные письма из России и некоторые бумаги. Не знаю, известны ли они вам: 1) записка, которая ходит по рукам в Москве о графе Панине, она интересна, как исторический документ, и не должна пропасть; 2) адрес владимирского дворянства». Дальше он сообщает новости об Унковском, Головачеве, Ник. Милютине, о московской цензуре и пр.²³. Герцен 28 апреля известил его о получении посылки. «Адрес владимирского дворянства очень хорош, и, что всего забавнее, мы его напечатает с гнусным петербургским»²⁴. Адрес можно найти в № 71 «Колокола» в статье «Провинция и резиденция». Что касается до записки о Панине, то она, повидимому, не была напечатана.

Аксаков Константин Сергеевич. — Его статья по крестьянскому вопросу была доставлена Герцену И. С. Аксаковым. О ней Герцен писал И. С. Аксакову 5 октября 1860 г.: «Не могу понять, куда делась тетрадь Конст[антина] Сергеев[ича]? Трюбнер говорит, что я ему ее не посылал. А мы живем на два дома — у моря и здесь — оттого большой беспорядок. У меня никогда не пропадало клочка бумаги, а это целая тетрадь. Я завтра еду и примусь искать, когда возвращусь». На том же листе пишет и Огарев: «Статью Константина Сергеевича мы отыщем середь домашнего беспорядка, но вот в чем вопрос: не позволит ли он напечатать ее (без имени) в 9-й книжке «Голосов из России»? Она вышла бы рядом с статьей о том же предмете У-го [Унковского. — М. К.] и хорошо бы пополнила задачу именно потому, что то, где У-й, по моему мнению, не прав, — там ваш брат прав. Это сделало бы из 8-й и 9-й книги Голосов нечто очень целое о крестьянском вопросе. Как вы думаете? Жду вашего решения, 9-я кн[ига] печатается». В постскрипуме Огарев добавил: «Пересмотрев корректуру статьи У., я вижу, что невозможно в одну книжку поместить статью Кон[стантина] Серг[еевича], слишком выйдет толста, а потому прошу позволения напечатать ее отдельной книжкой, [в] X кн. «Голосов из России»²⁵. Как известно, IX выпуск «Голосов из России» был последним, — X выпуск не появлялся. Статья К. С. Аксакова так и не была издана Герценом. И. С. Аксаков напечатал ее в 1861 г. в Лейпциге у Франца Вагнера с именем автора (к тому времени умершего) под заглавием: «Замечания на новое административное устройство крестьян в России».

Ба б с т Иван Кондратьевич (1823—1881) — либерально-буржуазный экономист, профессор политической экономии казанского, а потом московского университета. 17 ноября 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «В том письме, в котором вы прислали бабстову статейку...» и т. д. Не исключена возможность, что дело идет о какой-то печатной статье Бабста, но гораздо вероятнее, что через Рейхель Герцену была доставлена статья Бабста для «Колокола». В начале 1859 г. Бабст первый подписал сочувственное коллективное письмо Кавелину по поводу его полемике с Чичериным из-за Герцена. Но уже в августе 1859 г. Герцен получил с оказией письмо из Москвы от Кетчера и Бабста: «Ругают наповал бедный „Колокол“». В дальнейшем в «Колоколе» не раз упоминается имя Бабста по поводу разных его выступлений реакционного свойства.

Ба к у н и н Михаил Александрович. — Взаимные отношения Герцена-эмигранта и Бакунина неоднократно выяснялись в литературе во всей полноте. Мы ограничиваемся перечислением того, что напечатал Бакунин в изданиях Герцена. Первая из его статей в «Колоколе» это — «Русским, польским и всем славянским друзьям» (№ 122—123. Напечатана в прибавочном к номеру листе). Статья «Несколько слов южным славянам» появилась в № 128. В № 145 находится статья Бакунина «С.-Петербургская нескромность». В том же 1862 г. отдельным изданием была напечатана в Вольной русской типографии брошюра Бакунина «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?» Затем, после большого перерыва, уже в 1867 г. в «Колоколе», № 241, появились два письма Бакунина к Герцену. В № 9 французского «Kolokol» напечатана почти целиком статья Бакунина, взятая из пробного номера французской газеты «Democratie». Наконец, его речь на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы имеется в «Kolokol», № 14—15.

Ба р т е н е в Петр Иванович — известный впоследствии крайне консервативный издатель «Русского Архива», оказал Герцену ценнейшую услугу, доставив ему текст записок Екатерины II. Появление их вызвало сенсацию не только в России, но и в Западной Европе. Русские правительственные круги рвали и метали и, конечно, вслестки стремились узнать, кто передал Герцену этот секретнейший документ, — но тайна была хорошо соблюдена. Вот рассказ Н. А. Огаревой-Тучковой о том, как Герцен получил «Записки». «В это время приехал к Александру Ивановичу один русский, NN. Он был небольшого роста и слегка прихрамывал. Герцен много с ним беседовал. Кажется, он был уже известен своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нет на свете, я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу рассказать о причине, которая его привела в Лондон. После его первого посещения Герцен сказал Огареву и мне: «Я очень рад приезду NN, он нам привез клад, только про это ни слова, пока он жив. Смотри, Огарев, — продолжал Герцен, подавая ему тетрадь, — это записки императрицы Екатерины II, писанные ею по-французски; вот и тогдашняя орфография — это верная копия». Когда записки императрицы были напечатаны, NN был уже в Германии, и никто не узнал о его поездке в Лондон. Из Германии он писал Герцену, что желал бы перевести записки эти на русский язык. Герцен с радостью выслал ему один экземпляр, а через месяц перевод был напечатан Чернецким...»²⁶. Как известно, П. И. Бартечев хромал. Из некролога его, написанного его сыном, видно, что в 1858 г. он, оставив службу в архиве министерства иностранных дел, уехал за границу и слушал лекции в берлинском университете. Он долго жил в Берлине и два раза ездил туда в Лондон²⁷. В одном ошиблась Огарева-Тучкова: когда она писала свои воспоминания, Бартечев был еще жив (он умер в 1912 г.). Осведомленный А. Н. Пыпин заметил по этому поводу: «Автор воспоминаний ошибается»²⁸. Записки Екатерины вышли первым изданием в 1859 г. (Императрица Екатерина вторая. Записки. Издание Искандера. Перевод с французского. London, Trübner and Co. 1859. С предисловием переводчика и приложениями). Бартечев не только доставил копию записок, — он же был и переводчиком их на русский язык, и автором предисловия²⁹.

Б е й д е м а н Михаил Степанович (1840—1887). — По окончании военного училища он эмигрировал и в конце октября 1860 г. явился в Лондон. Работал наборщиком в типографии Герцена. Политическое его миросозерцание целиком сложилось

Г. Н. ВЬРУБОВ
Литография
Литературный музей, Москва

под влиянием Герцена и Огарева. В показании, данном после ареста, он дал прямо восторженную и благоговейную их характеристику. Кельсиев, называвший Бейдемана простодушным и симпатичным мальчиком, говорит о наборщиках типографии: «Иеродиакон Агапий и князь Трубецкой были отличные наборщики и бывали приняты у Герцена, а Дубровин³⁰ и Эберман были ленивы и у Герцена, который их не взлюбил с первого раза, приняты почти не бывали». В мае 1861 г. Бейдеман уехал из Англии, в июле, при попытке возвратиться в Россию, был арестован в Улеаборге; при нем были найдены клочки рукописного подложного манифеста, возбуждавшего крестьян к восстанию от имени «Константина». На допросах он вел себя очень смело, прямо дерзко. По распоряжению Александра II он был заточен без суда в Алексеевский рavelин «впредь до особого распоряжения». Просидев в рavelине 20 лет, несчастный впал в психическое расстройство и в июле 1881 г. переведен в казанскую больницу для умалишённых, где через шесть лет и умер.

В № 201 «Колокола» 1865 г. была помещена заметка: «Правда ли, что русский офицер Бейдеман, принимавший участие в итальянской войне и выданный австрийцами в Россию, с тех пор, т. е. третий год, содержится в каземате без суда, следствия и, стало быть, приговора?» М. К. Лемке объяснил эту заметку в том смысле, что Герцен, конечно, знал суть дела, но умышленно воспользовался случаем, чтобы показать непричастность Бейдемана к делу заграничной пропаганды³¹. На той же точке зрения стоял и П. Е. Щеголев: по его мнению, Герцен сообщал неверные сведения о деятельности Бейдемана из осторожности, чтобы не выдать своих отношений с ним. «Осторожностью объясняется и полнейшее отсутствие каких-либо упоминаний о Бейдемани в сочинениях и письмах Герцена»³². Нам представляется гораздо более правдоподобным, что до Герцена действительно дошли неверные слухи о причинах заключения Бейдемана. По всем вероятностям, в Лондоне не знали настоящей фамилии Бейдемана. Явившись к Герцену, он назвал себя вымышленной фамилией Дубровина. Герцен в письме к Тургеневу от 4 февраля 1861 г. (т. е. когда Бейдеман проработал в типографии уже месяца три!) просит навести справки об эмигрировавшем офицере Дубровине. Тургенев, естественно, ответил, что о Дубровине никто ничего не знает³³. Кельсиев в «Исповеди» говорит тоже о Дубровине; в очерке «Из рассказов об эмиграции» он выводит его под измененной фамилией «Буровин»³⁴. В «Исповеди» говорится, что Дубровин, отправившийся в Норвегию, чтобы оттуда перебраться в Россию, «пропал без вести».

Почти наверное можно сказать, что это — не конспирация, а действительное незнание дальнейшей судьбы «Дубровина», подлинное имя которого осталось в Лондоне неизвестным.

Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895) — известный врач и литератор. Белоголовый — автор статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске» во 2 номере «Под суд!». Статья касалась дуэли двух чиновников особых поручений в Иркутске, Беклемишева и Неклюдова, окончившейся смертью Неклюдова. Иркутское общество волновалось, открыто говоря, что это была не дуэль, а простое убийство, так как не были соблюдены различные обычные гарантии. Всесильный генерал-губернатор Муравьев-Амурский поддерживал Беклемишева и применял меры насилия к его противникам (в том числе, например, к Петрашевскому). Сибиряк по происхождению, Белоголовый жил тогда в Париже и был посредством писем с родины хорошо осведомлен о деле. Написав на основании имевшихся материалов статью, он отправил ее Герцену, и она была напечатана. Приближенные Муравьева составили опровержение. М. А. Бакунин, живший тогда в Иркутске и бывший поклашником Муравьева, согласился стать посредником между ним и Герценом и написал последнему письмо с просьбой напечатать упомянутую статью-опровержение. При такой рекомендации, Герцен опубликовал произведение муравьевских сторонников. Белоголовый в июне 1861 г. отправился из Москвы в Лондон со специальной целью уговорить Герцена поместить его ответ защитникам Муравьева. Не застав Герцена в Лондоне, он поехал в Париж, и там свидание состоялось. Выслушав Белоголового, Герцен согласился, что правда не на стороне Муравьева, а на стороне его противников. Но вместе с тем он отказался напечатать статью Белоголового, так как это значило бы выступить против Бакунина, находившегося в ссылке и не имевшего возможности защитить себя в печати. «Правда мне мать, но и Бакунин мне Бакунин», — сказал Герцен. После этого Белоголовый счел невозможным настаивать на помещении своей статьи. Перед отъездом Белоголовый передал Герцену кое-какие материалы по сибирскому управлению для «Колокола»³⁵.

В том же году небольшая заметка Белоголового в «Колоколе» оказала очень быстро могущественное действие. Он напечатал в № 103 несколько строк под заглавием «А. В. Поджио и его племянники», где указал, что племянники декабриста Поджио, по его возвращении из Сибири, отказались вернуть ему его часть имени. Один из племянников Поджио был так смущен этой заметкой, что немедленно возобновил сношения с дядей и возвратил ему, что полагалось³⁶. Об этом Герцен известил читателей «Колокола» в № 135 в заметке под тем же заглавием «А. В. Поджио и его племянники».

Бенардаки Николай Дмитриевич, — сын известного богача-откупщика. Он доставлял Герцену ценные информационные сведения для печати, что показывает следующее место из письма к нему Герцена-сына от 31 мая 1863 г.: «Вместе с отцом и Николаем Платоновичем свидетельствуем вам нашу душевную признательность за горячее участие в нашем общем деле. Записки ваши очень интересны; они доставляют нам обилие материалов для объяснения мистерий петербургского пашалыка. Вы не должны прекращать отношений с теми лицами, которые могут развить общие идеи. Ваше материальное положение откроет вам доступ к тайнам администрации и укажет тех лиц, которые вредят общему делу»³⁷.

Благосветлов Григорий Евлампиевич — известный публицист. В конце 50-х годов, живя в Лондоне, он был близко знаком с Герценом и одно время состоял учителем его дочерей. Огарева-Тучкова говорит, что он исполнял для Герцена платные переводы. «Вспоминаю теперь, что он изучил в это время английский язык и перевел с английского «Записки Екатерины Романовны Дашковой»³⁸ (записки эти вышли в свет в Лондоне в начале 1859 г.). О причастности Благосветлова к герценовским изданиям говорит и одно из писем Огарева к Герцену, печатаемых в № 39—40 «Литературного Наследства» (стр. 389). В письме этом, относящемся к 1860 г., Огарев говорит о присланных Благосветловым вещах: о заметке «Правда ли?» (по словам Огарева, «очень глупой»), интересной записке генерала Павловского и каких-то стихах. Вероятно, это была не единственная присылка Благосветлова.

Блюммер Леонид Петрович (1840—1888) — кандидат прав; журналист и беллетрист. В конце 1861 г. он выехал за границу, где сблизился до известной степени с эмигрантами (Герценом, П. В. Долгоруковым). В 1862—1864 гг. издавал журнал «Свободное Слово» и газеты «Весть» и «Европеец» (в Брюсселе, Берлине и Дрездене). В 1869 г. был обвинен П. В. Долгоруковым в том, что он является тайным агентом русского правительства. В настоящее время еще невозможно категорически ответить, насколько это обвинение было верно. В том же году выразил раскаяние и вернулся в Россию; в 1866 г. приговорен к ссылке в Томскую губ. Через два года получил разрешение вернуться в Европейскую Россию. Занимался адвокатурой, литературой и золотопромышленностью. В «Колоколе» № 119—120 помещена статья Блюммера «Защита московских профессоров (письмо в редакцию)»; в № 134 — «Письмо к издателю». В № 141 имеется заявление от издателей, начинающееся словами: «Помещая в нынешнем листе «Колокола» приглашение г. Блюммера, которое мы поддерживаем всеми силами, мы скажем несколько слов о нашем сборе на общее дело». Однако, ни в этом, ни в следующих номерах «Колокола» никакого заявления Блюммера не появилось.

Боткин Василий Петрович. — В конце 50-х годов Боткин, позднее ушедший в самую темную реакцию, относился к изданиям Герцена прямо восторженно и даже оказывал ему содействие. 7 января 1858 г. Тургенев писал об этом Герцену: «Боткин, с которым я вижу каждый день, совершенно симпатизирует твоей деятельности и велит тебе сказать, что по его мнению ты и твои издания составляют эпоху в жизни России»³⁹. Герцен говорит об этом: «Сам В. П. Боткин, постоянный, как подсолнечник, в своем поклонении всякой силе, умильно смотрел на «Колокол», как будто он был начинен трюфелями»⁴⁰. Присылки каких-то материалов от Боткина Герцен ожидал еще в 1857 г. 27 сентября он писал М. К. Рейхель: «...Я получил твое письмо, о котором вы писали — от Б. и, наконец, от него же письмо, в котором он пишет, что послал на имя Nosgat книги и рукопись; но вот уже 6-й день, а ни того, ни другого нет». 30 июля 1858 г. он извещает Рейхель: «Б. привез мне пук разных писем старых врем[ен] 1842 — [18]46; бездна любопытного». В письме к Анненкову Герцен опять говорит о «кипе старых бумаг», привезенных Боткиным; в том числе было с десяток писем Белинского⁴¹. В «Полярной Звезде», кн. V (1859), в виде приложения к «Былому и думам», напечатано 8 писем Белинского — очевидно те, которые были доставлены Боткиным.

Булич Николай Никитич (1824—1895) — профессор истории русской литературы Казанского университета. В мае 1859 г. он посетил Герцена в Лондоне. По видимому, ему принадлежит в № 100 «Колокола» письмо к издателям об усмирении крестьян в с. Бездне («Граф Апраксин Бездненский». Входит в статью «Мартиролог крестьян»)⁴².

Буренин Виктор Петрович — впоследствии известный нововременец. Б. Глинский, его бывший сотоварищ по суворинским изданиям, сообщает о нем: «В 1861 г. он посылает на страницы герценовского «Колокола» корреспонденцию из Москвы по поводу адреса, выработанного местными литераторами на квартире у Каткова по инициативе Громеки в связи с известным арестом писателя Михайлова и с общим политическим движением, охватившим русское общество в 1861 г. Конечно, эта корреспонденция была анонимная...»⁴³. В «Колоколе» № 113 (от 22 ноября 1861 г.) напечатан «Текст адреса, не подписанного московскими литераторами», — очевидно, это и есть текст, присланный Бурениным.

Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — поэт, переводчик, историк литературы. Ю. А. Веселовский в своей статье о Вейнберге (История русской литературы, изд. «Мир», т. V, стр. 295), вероятно со слов самого Вейнберга, впервые сообщил, что ему принадлежит стихотворение «Иакову Ростовцову в день его юбилея 23 декабря 1856 г.», напечатанное в «Колоколе» № 26 от 15 октября 1858 г., стр. 215—216, конечно, без подписи автора. Стихотворение это примыкает к резким нападкам на Я. И. Ростовцева со стороны Герцена в «Колоколе», которые усилились особенно с момента назначения Ростовцева председателем редакционных комиссий по крестьянскому делу. В редакционном примечании к стихотворению Вейнберга Герцен говорит,

что стихотворение это «приобретает уже историческое или, пожалуй, характеристическое значение».

Вендт. — 26 апреля 1858 г. Герцен писал Мальвиде фон Мейзенбург: «Если будете писать к Кампе⁴⁴, поблагодарите его за письмо... и просите его выразить хоршенько мою большую благодарность г. Вендту. Его письмо полно интереса и глубокого комизма. Я тотчас бы его напечатал, но не хочу его компрометировать и потому же не пишу ему лично. Из его письма я сделал статейку для «Колокола». Кто такой Вендт, мы не могли установить, но судя по опасению Герцена скомпрометировать его, он был русским, а не германским подданным. Лемке в примечаниях высказывает предположение, что статья, в которой Герцен использовал письмо Вендта, вероятно, — «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова» («Колокол», № 15), но не объясняет, на чем основано это предположение, и ничего не говорит о личности Вендта⁴⁵. Можно напомнить, что иский русский доктор Вендт был в начале 80-х годов врачом на курорте в Эмсе. Он поддерживал дружеские отношения с приезжавшими за границу М. Е. Щедриным-Салтыковым и Г. З. Елисеевым⁴⁶. Может быть именно он в молодости был корреспондентом Герцена?

Венюков Михаил Иванович (1832—1901) — известный географ и путешественник. Его сотрудничество в «Колоколе» устанавливается следующими словами Герцена в письме к Огареву от 23 апреля 1868 г.: «А тот корреспондент, бывший в Женеве, — помнится, Венюков, писавший о Кавказе и Сибири». На этом основании Венюкову можно совершенно определенно приписать статью «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии» («Колокол», прибавочный лист к первому десятилетию — от 1 августа 1867 г.). Статья делится на четыре главы: 1. Восточная Сибирь. 2. Западная Сибирь. 3. Оренбургский край. 4. Кавказ. Редакция называет «Примечания» чрезвычайно занимательными и бойкими, носящими печать истины и наблюдательности. Оценку разных лиц, даваемую в статье, редакция оставляет на ответственности автора.

Ветошников Павел Александрович — участник революционного движения 60-х годов. Летом 1862 г. он был у Герцена и уезжая взял от лондонских эмигрантов некоторые письма для передачи в Россию. Арест Ветошникова, у которого были отобраны упомянутые письма, повлек за собой арест многих других лиц; в результате создалось целое большое дело «о сношениях с лондонскими пропагандистами». 15 января 1864 г. Герцен писал дочери Наталье и Мальвиде фон Мейзенбург: «...Писемский написал роман «Взбаламученный омут», в котором самым гнусным образом рассказал историю о взятии Ветошникова, о том, что мы ему дали печатные вещи etc. Все догадаются, что это его записка помещена в моей статье». Герцен имел в виду главы XVI—XX шестой части романа Писемского «Взбаламученное море», где описывается посещение его героями Лондона и арест Валерьяна Сабакеева при возвращении в Россию на самой границе. Неизвестно, о какой своей статье говорят здесь Герцен, но из письма можно усмотреть, что Ветошников доставил Герцену для напечатания какие-то материалы.

Вихерский Феликс — поляк. 17 декабря 1868 г. Герцен писал Огареву: «Брошюру поляка непременно печатать. Я ему, пожалуй, напишу или сообщу ты». И дальше: «Польскую книгу, т. е. Вихерского, вели сейчас набирать. Он просит поправить язык, — это уж ты сделай». Брошюра, о которой идет речь, это — «Письмо Ф. Вихерского к генералу Ф. Ф. Трепову», Женева, 1869 г. Она вышла, по видимому, в первых числах января, судя по письму Герцена к Огареву от 6 января 1869 г.: «Нельзя ли брошюру поляка разослать вместе с «Прибавлениями»? Они друг друга двинут». Герцен поддерживал с Вихерским личные сношения. 26 сентября 1869 г. он писал Огареву из Парижа: «Жду Вихерского. Он мне не очень нравится, но человек умный. С ним придет Крамер, действ[ительный] ст[ат]ский сов[етник] и кавалер».

Вормс Николай Александрович (1845—1870) — поэт. О его личности и жизни имеется очень мало сведений. Сын исправника, он учился в орловской гимназии. Стихи Вормса печатались в «Современнике», «Русском Слове», «Деле», «Женском

Вестнике», «Искре», «Модном Магазине». Во второй половине 60-х годов он был эмигрантом в Женеве (приехал в Швейцарию в 1866 г.). Герцен относился к нему очень отрицательно и весной 1868 г. имел с ним неприятное столкновение. О его гимназических годах см.: «Критико-биографический словарь» Венгерова, т. VI. Некрологическая заметка о нем в три строки помещена в «Иллюстрированной газете», 1870 г., № 10. В литературе⁴⁷ имеются указания, что Вормс был автором большой статьи «Белый террор», помещенной в «Колоколе» за 1867 г. в №№ 231—232, 233—234, 235—236 (в 1875 г. вышло отдельное издание в Лейпциге). Некоторым подтверждением этого может служить переписка Герцена. Имеется письмо Герцена к некоему В. от 23 апреля 1867 г. Дело идет о помещенной им в «Колоколе» статье; Лемке в примечании поясняет, что статья эта — «Белый террор»⁴⁸. Точно так же из письма Герцена к Огареву от 13 мая 1867 г. видно, что фамилия автора статьи «Белый террор» начиналась с В.⁴⁹ Однако, остается место для сомнений. Дело в том, что рассказ в «Белом терроре» ведется от лица, пострадавшего по делу Каракозова; в статье имеется даже подзаголовок «Рассказ одного из сосланных под надзор полиции. Мы не знаем, привлекался ли Вормс по какому-нибудь делу, — но можно положительно утверждать, основываясь на архивных данных, что в числе не только понесших какую-нибудь кару по делу Каракозова, но даже в числе подвергшихся кратковременному аресту Вормса не было. Таким образом, вопрос о нем как об авторе «Белого террора», остается до известной степени открытым.

Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913) — известный русский позитивист, проживавший за границей. Был близок к Герцену в конце жизни последнего. В № 14—15 французского «Колокола» поместил письмо к Герцену по поводу своего выступления на конгрессе мира в Берне. Герцен напечатал ответ на это письмо в «Supplément du «KoloKol» от 15 февраля 1869 г.

Гербель Николай Васильевич (1827—1883) — поэт-переводчик, составитель ряда сборников стихотворений русских и западно-европейских поэтов. Он имел связи с Герценом, Шелгуновым, М. И. Михайловым и др., стоял близко к обществу «Земля и Воля», в 1864 г. сохранял его архив и типографский шрифт. В записке к нему Герцена от конца июля 1861 г. говорится: «Я, *proprétaire* чернильницы, был у вас с просьбой поправить этот листок и отослать Тхоржевскому. Прощайте»⁵⁰. М. К. Лемке пояснял, что это приписка к записке Огарева; из последней ясно, что Гербель не только привез материал для печатавшегося тогда Огаревым сборника «Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый, Стихотворения; часть первая», но и участвовал в его корректуре.

Голицын Юрий Николаевич, кн. (1823—1872) — дирижер и композитор-любитель, колоритнейший представитель русского старого барства. В ноябре 1858 г. стало известно, что писарь канцелярии военного министерства списывает для Голицына статьи из «Колокола» и переписывает его собственные статьи, предназначенные для «Колокола». При расследовании оказалось, что Голицын отправил Герцену несколько статей: 1. О рекрутских квитанциях; 2. О помещике Пензенской губ. Каткове; 3. О сохранении лесов в Пензенской губернии; 4. О винокуренном заводе в имении Обрескова; 5. О взятках, платимых «Московскими Ведомостями» почтаму и 6. О состоянии губернских комитетов, преимущественно тамбовского⁵¹. Из этих заметок первая, вторая, четвертая и шестая были использованы в смеси № 32—33 «Колокола». Кроме того, Голицын отправил Герцену письмо с горячей просьбой, характерной для либералов того времени, не нападать в «Колоколе» лично на Александра II. За эти свои связи с Герценом Голицын был удален со службы, лишен придворного звания и отправлен на житье под надзор полиции в Козлов. В начале 1860 г. он тайно перешел границу и явился в Лондон. О его концертах в Лондоне, устраивавшихся с большим размахом и пользовавшихся громадным успехом, и о различных злоключениях князя за границей весьма ярко рассказал Герцен в «Былом и думах» (Собр. соч., т. XIV, стр. 385—395). В августе 1862 г. Голицын, не имевший никаких принципиальных побуждений к эмиграции, вернулся в Россию.

Гончаренко Агапий (Андрей) — бывший дьякон русской миссии в Афи-

нах. Род. 19 августа 1832 г. в Киевской губ. Находясь еще в Афинах, Агапий прислал в «Колокол» материал для нескольких заметок; он изобличал русского архимандрита в Афинах в грязных пороках, русского консула в различных неправомерных деяниях. Эти изобличения вовлекли «Колокол» в затянувшуюся полемику с афинским профессором Ромботи, выступившим на защиту архимандрита. В конце 1860 г. Агапий, отказавшись ехать в Россию, явился в Лондон и несколько месяцев был наборщиком Вольной русской типографии. Кельсиев называет его отличным наборщиком, но в то же время характеризует его, как «грязную личность, оклеветавшую в «Колоколе» своего архимандрита, наделавшую пропасть подлостей в Лондоне». В 1860 г. в Вольной русской типографии Гончаренко напечатал «Стоглав» со своим предисловием (подпись: И. А.) по рукописи, подаренной ему князем Долгоруковым. Статья его «Монастырское крепостное право», посвященная Киево-Печерской лавре, с тою же подписью «И. А.» имеется в № 86 «Колокола». В № 95 есть небольшая заметка на украинском языке «От иеродиакона Агапия (Андрея Гончаренко)», посвященная смерти Т. Г. Шевченко. В сентябре 1861 г. Гончаренко уехал из Лондона на Восток, на Афоне был рукоположен в священники. Герцен писал о нем Долгорукову: «...Афонский⁵² дьякон бросил типографию и наделал здесь разных сплетен и гадостей. Не был ли он у вас? Берегитесь его»⁵³. После разных скитаний Гончаренко в октябре 1864 г. уехал в Америку. В 1867 г. устроил в Сан-Франциско русскую типографию, в следующем году основал двухнедельное обозрение «Alasca Herald» с наполовину английским, наполовину русским текстом. С 1872 г. издавал в Сан-Франциско русскую газету «Свобода». Поддерживал письменные сношения с Огаревым, который прислал ему для напечатания в «Свободе» несколько стихотворений. Умер в Калифорнии 5 мая 1916 г. Автобиография его помещена в русском журнале «Прогресс» (Нью-Йорк), № 18 (1893 г.).

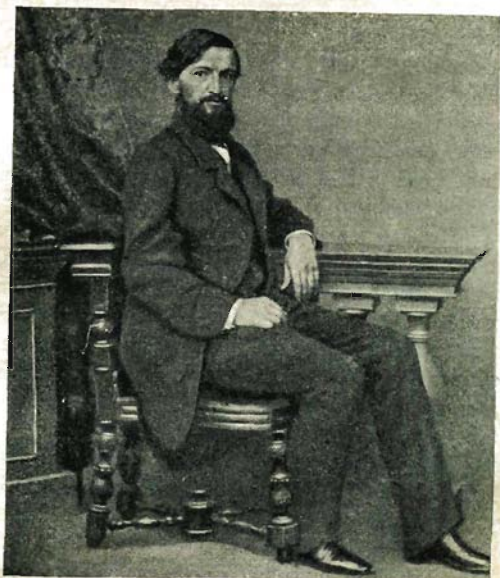
Громека Степан Степанович (1823—1877) — бывший жандармский офицер, в конце 50-х — начале 60-х годов либеральный публицист. Был в это время очень усердным осведомителем Герцена. В заграничном «Вольном Слове», 1883 г., № 57 напечатаны 4 письма Громеки к Герцену за 1859—1861 гг. Письма проникнуты прямо подобоострастным отношением к Герцену. Громека называет себя рекрутом на той службе, в которой Герцен так давно служил полководцем, и стремится сделать под знаменем Герцена несколько походов и побывать в открытом честном бою. «Если б вы были среди нас, — вы были бы русским Гарибальди, а теперь нам остается читать ваше евангелие и ждать, пока вы расшевелите нас». В марте 1861 г. Громека был определен на службу в министерство внутренних дел на должность начальника отделения департамента общих дел. Он сразу же использовал свое служебное положение в целях информации Герцена. О содержании тех бумаг, которые ему приходилось составлять для докладов, он немедленно сообщал в Лондон. От Громеки шло извещение, что начальником III отделения назначается П. А. Шувалов; отрывки из обращения Шувалова к Долгорукову он привел в письме, но просил Герцена до времени щадить Шувалова, пока он «подает надежды». Эта информация Громеки отразилась в статейке Герцена «Buona notte, buona notte!» («Колокол», № 98—99), кончающейся словами: «Если Шувалов дорожит своим именем, то, приняв, как говорят, à contre coeur место (непротестительная слабость!), пусть же он делает его ненужным». О том, что Шувалов якобы неохотно брался за свою новую должность, Герцену писал именно Громека. Тот же Громека первый известил Герцена о крестьянских волнениях в с. Бездне. Герцен изложил содержание его письма в статье «Русская кровь льется» (тот же № 98—99). В 100 номере статейка «Киевский университет и Н. И. Пирогов» целиком основана на сообщении Громеки: он прислал Герцену доклад Васильякова о Н. И. Пирогове, с замечаниями, сделанными на полях доклада Александром II. Еще из писем Громеки видно, что он писал Герцену о «подвигах» коломенского предводителя Скорнякова. Без сомнения, это только часть, случайно ставшая нам известной, того, что сообщал Герцену его усердный поклонник из бывших жандармских офицеров.

С 1864 г. в «Колоколе» начинаются иронические упоминания о Громеке, который, став седлецким губернатором, начал делать свою карьеру. Во французском «Колоколе» № 9 (1868 г.) помещена заметка Герцена «Громека преследователь, Громека православный и яростный византиец»; там рассказывается, как Громека энергично вводил православие, — заставлял стрелять из ружей в крестьян-униатов, атаковал деревни и пересылал сотнями узников из Дубно в Седлец.

Данич — поляк. Он был наборщиком в лондонской типографии, принял участие в польском восстании (по словам Кельснева, «унтер-офицер польского повстанца»), был взят в плен и посажен в тюрьму, откуда бежал и опять явился к Герцену. Переехал в Женеву вместе с типографией в 1865 г. и продолжал там работать. В 1868 г., когда типография Чернецкого стояла почти вовсе без работы и пришлось распустить рабочих, Данич оставался единственным наборщиком. Имя Данича нередко встречается в письмах Герцена.

Добролюбов Николай Александрович. В № 23—24 «Колокола» (от 15 сентября 1858 г.) помещена статья Добролюбова «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны», написанная еще во время пребывания автора в Педагогическом институте. Принадлежность Добролюбову этой язвительнейшей характеристики директора Педагогического института — Давыдова была установлена еще в 1912 г. М. К. Лемке на основании рукописных воспоминаний М. И. Шемановского, одного из самых близких товарищей Добролюбова по институту. От времени написания статьи (конец 1856 г. или начало 1857 г.) до ее опубликования в «Колоколе» прошло весьма значительное время. О тех путях, какими статья молодого студента была передана в Лондон, ничего не известно. Также не известно, каким путем попало в руки Герцена другое стихотворение Добролюбова «На смерть помещика Оленина» («Русская потаенная литература», стр. 268—283), написанное им в нач. 1855 г. Огарев в примечании к этому стихотворению указывает, что оно «сделалось известным нам только в Лондоне». Возможно, что и оно было доставлено В. Р. Зотовым (см. ниже).

Долгоруков Петр Владимирович, кн. (1816—1868) — публицист и историк-генеалог. В 1859 г. выехал за границу и, отказавшись вернуться по требованию правительства, остался до конца жизни эмигрантом. В 1860—1864 гг. был издателем нескольких газет и журналов («Будущность», «Правдивый», «Листок»); выпустил несколько книг, преимущественно на французском языке. Долгоруков, чрезвычайно гордившийся своим «рюриковским» происхождением, был сторонником конституционной монархии; в его воззрениях было много сумбурного. В своих писа-

С. С. ГРОМЕКА

Фотография

Литературный музей, Москва

ниях, носивших отчасти сплетнический характер, он много занимался изобличением русского высшего круга в его прошлом и настоящем. К Герцену Долгоруков относился с уважением. Герцен же, несколько не сочувствуя аристократическому конституционализму Долгорукова и зачастую тяготясь разными тяжелыми сторонами его характера, все-таки поддерживал с ним сношения, несмотря на происходившие размолвки, иногда довольно бурные.

Долгоруков нередко печатался в герценовских изданиях. Уже вскоре после его выезда за границу, в № 73—74 «Колокола» появилась «Переписка князя П. В. Долгорукова с русским правительством». Переписка заключается в четырех письмах Долгорукова и двух записках к нему Ф. Грота, русского консула в Великобритании. В редакционном примечании говорится: «Князь П. В. Долгоруков передал нам лично эту характеристическую переписку; спешим поделиться ею с читателями „Колокола“». Далее, Долгоруков неоднократно помещал в «Колоколе» разные краткие заявления и объявления — по поводу издаваемых им газет в Великобритании. В редакционном примечании говорится: «Князь П. В. Долгоруков передал нам лично эту характеристическую переписку; спешим поделиться ею с читателями „Колокола“». Далее, Долгоруков неоднократно помещал в «Колоколе» разные краткие заявления и объявления — по поводу издаваемых им газет и пр. (см. №№ 121, 138, 140, 168, 182, 229). Из них представляет интерес «Письмо к редактору „Современника“» (№ 168; письмо было напечатано и в «Современнике»). Это — опровержение проникших в печать слухов о том, что Долгоруков был автором знаменитого анонимного письма, приведшего в конце концов Пушкина к роковой дуэли⁵⁴. В № 170 Герцен счел небезынтересным перепечатать из «Листка» письмо Долгорукова к Александру II. В № 212 имеется некрологическая заметка Долгорукова о декабристе кн. С. Г. Волконском. Из письма Герцена к Огареву от 6 февраля 1867 г. («Как бы не привязались к слову «мошеничество» в статейке Долгорукова, — я постоянно вымарываю ругательства»), видно, что Долгоруков является автором не подписанной статьи «Процесс г. Чичерина в Париже» в № 233—234 «Колокола».

В №№ 235—236 и 237 напечатана анонимно довольно большая статья Долгорукова «Письмо из Петербурга». Прочтя его первую половину, Герцен 20 февраля 1867 г. написал Огареву: «Корреспонденция из Петербурга превосходна». В № 235—236 «Письмо из Петербурга» сопровождалось следующим редакционным вступлением: «Получив с величайшей благодарностью эту корреспонденцию, помещаем ее без всяких изменений с нашей стороны». Но иметь дело с Долгоруковым, как автором, было не легко. 4 марта, ознакомившись с окончанием статьи Долгорукова, Герцен пишет Огареву: «Посылаю корректуру и прошу принять мой протест против всех вымаранных мною мест. Я решительно не могу допустить — без подписи — все, что вымарал, во-первых, потому, что это противно духу «Колокола»; во-вторых, что я должен буду печатать ответы; в-третьих, могу ждать дерзостей, которые приведут к дуэли; в-четвертых, до частных дел Неклюдова и Соллогуба «Колоколу» дела нет. Отправься на объяснение с Пет[ром] Вл[адимировичем], но в этом от меня уступки не жди. Я кладу полное veto. Даже с подписью я вряд напечатал бы». Статья Долгорукова была напечатана, очевидно, со сделанными Герценом изменениями (например, ни о каких частных делах Неклюдова и Соллогуба в ней не говорится). Наконец, в № 238 за полную подписью Долгорукова имеется статья «Пройдохи в России».

Перечисленными статьями не ограничивается участие Долгорукова в «Колоколе». В некоторые периоды, а именно когда Герцен на время уезжал, Долгоруков стоял довольно близко к редакционным делам. В январе 1865 г. Герцен настойчиво советует Огареву прибегать к помощи Долгорукова. «На «Колокол» надо обратить внимание. Ты не умеешь читать газеты — проси помощи у Долгорукова». Или: «Отчего ты не эксплуатируешь Долгорукова насчет газетных отметок? Он все читает и все отмечает. Нужно повнимательнее устроить часть новостей». Еще: «Да и отчего же ты не отметил прямо для «Смеси» кое-какие резкие вещи, например, 1) об ограничении права раскладки в земск. соб. и о московском протесте? Такую вещь и Долгоруков сделает». Огарев в объяснение отвечал: «Ведь я, упоывая на твой громадный талант, не надеюсь на свой и боюсь «смесей» долгоруковских. Пойми ты это»⁵⁵.

Особенно определенно чувствуется участие Долгорукова в редактировании в:

самом конце существования «Колокола» — в 1867 г. Герцен, в это время отсутствовавший из Женевы, обращаясь к Огареву, неоднократно говорит: «вы», подразумеваемая Огарева вместе с Долгоруковым. 3 февраля он пишет Огареву: «Статьку об Аксакове не показывай прежде Долгорукову, он раскричится». Через 4 дня: «Я опять написал статью против Аксакова и прошу ее непременно поместить и тоже Долгорукова не слушать». 17 марта: «Посылаю... «На площади св. Марка». Это мой манифест о грехах (не давай Долгорукову менять, особенно подстрочных замечаний)». Вскоре, впрочем, между Огаревым и Долгоруковым произошли какие-то недоразумения, ибо 2 апреля Герцен пишет: «А я, грешный человек, предвидел, что интрижка с Долгоруковым недолго останется в любовях»⁵⁶. Нет сомнения, что в эти периоды приближения Долгорукова к редакции в «Колоколе» помещалось в разных отделах анонимно значительное количество его произведений.

Домбровский Ярослав (1836—1871) — известный польский революционер, выдающийся военачальник Парижской Коммуны, героически погибший при ее разгроме. В декабре 1864 г. он бежал из московской тюрьмы, скрывался около полугода в Москве и Петербурге и летом 1865 г. переехал через границу. В двухсотом номере «Колокола» помещены два его письма, касающиеся его побега, к нижегородскому губернатору Одинцову и к М. Н. Каткову (в Нижегородской губ. жила под надзором полиции его жена, тоже благополучно скрывавшаяся за границу). Письма Домбровского, исполненные изысканности, не простое сообщение о благополучном переходе границы, какие иногда помещались в «Колоколе», а настоящие литературные произведения.

Ефремов Петр Александрович (1830—1907) — известный библиограф, снабжал Герцена некоторыми материалами по русской литературе и русскому общественному движению. Ближко знавший Ефремова Д. П. Сильчешский в некрологической заметке о нем говорит: «Чего нельзя было напечатать в наших подцензурных изданиях, то Ефремов печатал в заграничных нелегальных изданиях. Так, им было напечатано дело братьев Критских в «Полярной Звезде» Герцена (1862 г., кн. VII, в. I). В той же «Полярной Звезде» были напечатаны и другие доставленные им документы и «запрещенные» стихотворения русских поэтов»⁵⁷. Названная статья о братьях Критских, осужденных по политическому делу в 1827 г., называется «Братья Критские и их товарищи в Москве». Под общим заголовком «Рассказы о временах Николая» — в этой книжке «Полярной Звезды» со статьей о братьях Критских объединены две другие статьи: «Колесников и его товарищи в Оренбурге» и «Братья Раевские». Весьма возможно, что и эти две статьи принадлежат Ефремову.

Жуковский Николай Иванович (1833—1895) — революционер-бакунист. В 1862 г., привлеченный по делу Баллоде, бежал за границу и навсегда остался эмигрантом. В «Колоколе», № 144, он поместил письмо к издателям, в котором благодарил поляков, оказавших ему содействие в его побеге. Жуковский был причастен к литературе: он вместе с Бакуниным издавал в 1868 г. журнал «Народное Дело», в 70-х годах был соредактором «Работника» и «Общины». Казалось бы естественным его участие в герценовских изданиях в первые годы его эмиграции. Однако, никаких следов такого участия, помимо названного письма в редакцию, пока не найдено.

Завалишин Дмитрий Ириархович (1804—1892) — декабрист. В № 36 «Колокола» был помещен рассказ «Из воспоминаний о Лунине» с редакционным примечанием: «Бесконечно благодарим мы приславшего эту статью». С. Штрайх высказался об этом рассказе, что он очень похож по анекдотическому изложению на рассказы Завалишина⁵⁸. Ограничиваемся указанием на это сближение. Завалишин был плодовитым писателем и печатался очень много; среди опубликованных им воспоминаний есть и воспоминание о Лунине, но прямых указаний на его сотрудничество у Герцена не имеется. В известном библиографическом труде Н. М. Ченцова, Воспоминание декабристов, — статья «Из воспоминаний о Лунине» отмечена как принадлежащая неизвестному автору.

Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896) — писатель. В 1850-х гг. было очень распространено ходившее по рукам в списках стихотворение «Шарманка»,

представлявшее злую насмешку над Николаем I с его принципами православия, самодержавия и народности. Это стихотворение было напечатано в «Колоколе», № 5 (от 1 ноября 1857 г.). Сестра Н. А. Некрасова, Буткевич, считала это стихотворение принадлежащим ее брату; убежденность в авторстве Некрасова была довольно широко распространена в 50-е и 60-е годы. «Шарманка» даже помещалась в революционных собраниях стихотворений Некрасова, хотя и в отделе «Dubia»⁵⁹. Однако, «Шарманка» очень мало напоминает стихи Некрасова. Гораздо большего внимания заслуживает заявление С. А. Венгерова, что это стихотворение написано В. Р. Зотовым; как отмечает Корней Чуковский, «Шарманка» по своему стилю примыкает к целому ряду стихотворений Зотова. Гипотеза об авторстве Зотова до известной степени подтверждается тем, что летом 1857 г. Зотов провел несколько дней у Герцена, о чем говорит Герцен в письме к М. К. Рейхель от 17 июля 1857 г. и сам Зотов в своих воспоминаниях⁶⁰. Он в это время мог лично вручить свое стихотворение Герцену. Зотов имел некоторое касательство к революционному движению: в 1849 г. он допрашивался по делу Петрашевского, в конце 70-х годов принял на хранение архив «Земли и Воли», а затем и «Народной Воли»⁶¹.

Кроме стихотворения «Шарманщик», которое могло быть передано Герцену лично В. Р. Зотовым, следует отметить роль последнего в доставлении Герцену стихотворений, хранившихся в России в рукописном виде и вошедших в сборник «Русская потаенная литература». Н. А. Морозов, передававший Зотову в конце 1870-х гг. важнейшие землевладельческие документы, говорит в своих воспоминаниях («Повести моей жизни», т. IV, стр. 196), что на вопрос, был ли Зотов знаком с Герценом, Зотов, указав на сборник «Русская потаенная литература», сказал: «Почти все это было собрано мною в России и мною же отвезено Герцену для печатания».

Здесь не лишнее остановиться на одном ошибочном утверждении относительно стихотворения «Шарманка», сделанном Н. Лернером в «Звезде», 1923 г., № 1 (стр. 200). Лернер категорически заявляет, что автор «Шарманки» — третьестепенный поэт 50-х годов Н. А. Арбузов, авторство которого обосновывается тем местом дневника Я. П. Полонского, где рассказывается, что в декабре 1855 г. Арбузов на вечере у поэта Ф. Н. Глинки читал свое стихотворение «Шарманщик» («Голос минувшего», 1919 г., № 1—4, стр. 110), «т. е. конечно, «Шарманку», пояснил Лернер. Это совершенно неверно: в «Стихотворениях» Николая Арбузова (СПб., 1856) на стр. 129—134 напечатано стихотворение «Шарманщик», по содержанию не имеющее ничего общего с «Шарманкой». Этого «Шарманщика» Арбузов и читал у Глинки.

Кавелин Константин Димитриевич. — Близкий к Герцену еще до отъезда последнего за границу, многим обязанный ему в своем развитии, Кавелин на первых порах отнесся неодобрительно к его заграничной литературной деятельности. В 1856 г. в первой книжке «Голосов из России» появилась статья «Письмо к издателю вместо предисловия» с подписью «Русский либерал», писанная совместно Б. Н. Чичериным и Кавелиным (Кавелину принадлежит первая половина статьи, до 2-й страницы). «Русский либерал» очень критически отнесся к «Полярной Звезде» и др. изданиям. То же строгое отношение проявляется и в первом письме Кавелина, писанном в 1857 г., после десятилетней разлуки с Герценом (с «Колоколом», только что начавшим выходить, Кавелин тогда еще не был знаком). «...Живое, единогласно искреннее сочувствие вызывают, собственно, твои воспоминания из прошлой твоей жизни, где так мастерски рисуются твои Erlebnisse в России, да еще сильное участие возбуждают «Голоса из России». Остальное более отчуждает от твоих изданий, чем привлекает к ним, и вредит тебе во мнении всех»⁶². В 3-й книжке «Голосов из России» (1857 г.) появились, под заглавием «Государственное крепостное право в России», две первые главы известной «Записки об освобождении крестьян в России» Кавелина. В целом записка была напечатана (с купорами) Чернышевским в 1858 г. в 4-й книге «Современника». В связи с появлением этой статьи Кавелин в том же 1858 г. был уволен от должности преподавателя наследника. В воспоминаниях П. П. Семенова-Тяньшанского есть свидетельство, что лица, ведшие против Кавелина интригу, воспользовались,

как решительным оружием против него, тем, что он — сотрудник Герцена. «На хатайство Ростовцева об оставлении Кавелина в должности преподавателя цесаревича, государь ответил, что имеет на увольнение его другие, более важные причины. В руках государя находились достоверные сведения о том, что материалы для статей Герцена, сильно осуждавших действия по крестьянскому делу и оскорбляющих личности сотрудников государя и в особенности самого Ростовцева, доставлялись в редакцию «Колокола» Кавелиным при участии Милюткина. По мнению государя, невозможно было допустить, чтобы лицо, находившееся в таких сношениях с государственным преступником, занимавшимся антиправительственной пропагандой, могло быть преподавателем наследника престола. Доказательства же непосредственного участия Кавелина и даже Милюткина в статьях герценовского «Колокола» были секретно препровождены Ростовцеву в подлиннике, по высочайшему повелению, шефом жандармов кн. В. А. Долгоруковым»⁶³. Насколько убедительны были эти доказательства — мы, к сожалению, не знаем.

Летом 1859 г. состоялось свидание Кавелина с Герценом. Уже до этого свидания Кавелин в письме выразил Герцену свое восторженное отношение к его деятельности, пришедшее на смену прежнему полуосуждению. «Разошедшись на короткое время не в мыслях, а в образе действий, я опять и давно сошелся с тобою. К любви прибавилось благоговение. Не сердись за это выражение. В нем нет ничего раболопного. Я вижу в тебе не только близкого и друга, но первого человека в целой Европе»⁶⁴. Свидание еще более укрепило это отношение Кавелина к Герцену. «Я не могу любить тебя как совершенно равного, потому что преклоняюсь перед тобой и вижу в тебе великого человека.. Время ложного стыда должно пройти, как всего ложного. Пора называть вещи их именами. Не я один так смотрю на тебя, а многие; может быть, из близких тебе я один решаюсь это высказать. Тебе лавровый венок, представителю русской мысли, свободной, чающей свое величие и свою неизмеримую будущность»⁶⁵. При таком отношении Кавелина к Герцену весьма правдоподобно, что он стремился поддержать его деятельность и что вклад его в герценовские издания значительно больше того, что нам известно.

В 1862 г. в № 119—120 «Колокола» была опубликована кавелинская «Записка о беспорядках в С.-Петербургском университете». 1862 год был последним годом близости Кавелина с Герценом. В начале года Кавелин напечатал анонимно в Берлине брошюру «Дворянство и освобождение крестьян». Когда Герцен ознакомился с нею, то вознегодовал на эту защиту дворянских привилегий. Между ним и Кавелиным начался оживленный письменный обмен мнений по принципиальным общественным вопросам. Расхождение оказалось настолько сильным, что Герцен с болью вырвал из своего сердца Кавелина и даже отказался от предлагавшегося последним личного свидания. Разрыв был очень тяжел и для Кавелина, но неизбежен. В 1863 г. переписки между ними уже не было, — они разошлись навсегда.

Касаткин Виктор Иванович (1831—1867) — литератор, в 1861 г. — соредактор «Библиографических Записок». В конце 1860 г. был в Лондоне у Герцена. Доставлял в Лондон сведения о раскольниках. Кельсиев, спрошенный комиссией после своего возвращения, от каких лиц получались эти сведения, сначала отговаривался незнанием, а потом заявил: «Касаткин более всех доставлял, если не ошибаюсь, — но и того не могу сказать наверное: как библиофил он более других был сведущ в этом деле и заодно собирал всякие редкие документы». Касаткин входил в московский революционный кружок; в 1862 г. он в Москве несколько раз виделся с приехавшим нелегально в Россию Кельсиевым. Подлежал в этом же году привлечению к дознанию по делу о приезде Кельсиева, но успел скрыться за границу. В № 200 «Колокола» он поместил «Протест В. Касаткина» по поводу приговора над ним сената (изгнание навсегда из России). В 1863 г. Касаткин был деятельным сотрудником Герцена по распространению изданий Вольной типографии, что видно из писем Герцена к нему: «Тхоржевский отправил вам 280 №№ «Колокола» и 70 экз[емпляров] книг...» или: «Спасибо за усердие. Слава богу, что посылка достигла цели: теперь по вашей милости 700 №№ уже в России, а 400 в

дороге, к пасхе получат»⁶⁶. В 1865 г. Касаткин играл довольно большую роль в делах типографии. 12 января Герцен писал Огареву: «Кто тебе говорил, что Касатк[ин] хочет властвовать и повелевать? При всех своих капризах, он все-таки не мальчишествоует, как утата⁶⁷, с которыми время пришло покончить раз навсегда. Пожалуйста, ты ему не пиши против типогр[афии]. Заведывать морально буду я, голландской сажей Чернецкий, Кас[аткин] associé». 12 апреля, накануне перевоза типографии в Женеву, Герцен писал: «Если б можно было всю экономич[ескую] часть передать Касаткину, я был бы счастливейший смертный». Позже Герцен разувелся в такой возможности. «Конечно, я отдал бы всю материальную часть кому-нибудь, но где же этот кто-нибудь? Мечников, Утнн, Гулевич, Касаткин и tutti quanti совершенно неспособны или способны на другое» (письмо сыну от 9 марта 1866 г.). Статей за подписью Касаткина, кроме упомянутого протеста в «Колоколе», не появлялось (что, конечно, не доказывает того, что он там не участвовал). О какой-то его забракованной статье Герцен писал Огареву 20 октября 1866 г.: «...Статью Касаткина я считаю решительно невозможной — что за сплетни и пустяки».

Кельсиев Василий Иванович (1835—1872) — эмигрант с 1859 г. Явившись в Лондон, он был полон литературных планов и надеялся играть в изданиях Герцена видную роль. Эти надежды не осуществились. Кельсиев был слишком неподготовлен политически, и в голове его царил большой сумбур. Герцен рассказал о его неудачном дебюте. «Кельсиев собирался всему учиться и обо всем писать; лучше всего хотел он писать о женском вопросе, о семейном устройстве. — Пишите прежде всего, — говорил я ему, — об освобождении крестьян с землей. Это первый вопрос, стоящий на дороге. — Но симпатии Кельсиева были не туда обращены. Он действительно, принес мне статью о женском вопросе. Она была невозможно плоха. Кельсиев посердился, что я ее не напечатал, и сам благодарил меня за это года два спустя»⁶⁸. Ни одной значительной статьи для «Колокола» Кельсиев не мог дать. Он играл полезную, но чисто подсобную роль: просматривал обширную получающуюся корреспонденцию, держал корректуру газеты, составлял извлечения из присылаемых писем и пр. В «Исповеди» он говорит: «Изредка я составлял для «Колокола» экстракты из процессов, неправильно решенных в России, и, вообще, разные маленькие извлечения из больших дел, как, напр[имер], из кипы бумаг по делу о выселении в Турцию крымских татар». Из этого ясно, что Кельсиеву принадлежит не подписанная статья «Гонения на крымских татар» в № 117 «Колокола». Точно так же ему было поручено Герценом разобрать массу юридических документов по делу отца Трувеллера и составить записку для «Колокола». Однажды Герцен дал ему просмотреть и привести в порядок различные документы, касающиеся преследования правительством раскольников и сектантов. Это имело значительные последствия для Кельсиева. Он читал неотрывно эти документы чуть не сутки подряд, глубоко взволновался некоторыми сторонами взглядов раскольников и сектантов и весь загорелся мыслью о возможности и необходимости привести на сторону революции раскольников. «Ну, сказал мне Герцен, выслушав мои панегирики расколу, — вам и книги в руки, — я в вероучениях мало понимаю, но, само собой, раскольникам следует помочь, — нельзя же оставаться равнодушными, когда людей гонят за их, хоть и нелепые, верования. Составьте что-нибудь из этих записок и напечатайте. Надо же вывести эти дела на свежую воду». Практически это новое увлечение Кельсиева привело к тому, что в 1860—1862 гг. в Вольной русской типографии был напечатан «Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым». Всего было 4 выпуска; в трех первых были предисловия, составленные Кельсиевым. Выпуск 4 — без предисловия: он вышел в свет, когда Кельсиев был уже в Константинополе, что, между прочим, отразилось на его плохой корректуре. Увлечение Кельсиева этим новым делом было так велико, что чрезвычайно редкую книгу Надеждина о скопцах, доставленную кем-то Герцену на короткое время, он сам лично всю переписал. «Сборник» вызвал большой интерес в России и имел несомненно важное значение для изучения русского раскола. Когда в 1862 г. стало выходить «Общее Вече», специально по-

П. В. ДОЛГОРУКОВ

Литография

Музей революции, Ленинград

священное старообрядцам и гонениям на них, Кельсиев, как «специалист по расколу», мог рассчитывать на руководящую роль в этом журнале. Однако, его постигло новое разочарование. Он сам рассказывает, что в первом номере половина его статей была забракована, статьи самих старообрядцев догматического содержания также «не прошли цензуры»⁶⁹. Во втором номере «Общего Веча» Кельсиев уже не участвовал, — главную роль в нем играл Огарев. В первом номере Кельсиеву, несомненно, принадлежит статья «Донос иже по делам веры фискальствующего купца Сопелкина» (примечание подписано: В. К.); вероятно, там есть и еще его произведения. Из литературных работ Кельсиева лондонского периода следует отметить еще перевод на русский язык первых пяти книг библии (1860, 4 тома). Переводчик подписался псевдонимом «Вадим»; ему же принадлежит предисловие. За этот перевод Кельсиев взялся для заработка, решившись использовать свое знание древнееврейского языка. Переводом сам Кельсиев остался недоволен; переработка, которой потребовал Герцен, по мнению Кельсиева еще испортила дело. Перевод был заказан Трюбнером, Герцен относился к этому предприятию с сомнением, но книга печаталась в Вольной русской типографии и поэтому должна быть отнесена к герценовским изданиям. Осенью 1862 г. Кельсиев уехал из Лондона; начались его странствия и злоключения в Константинополе, Тульче, Галаце, Яссах. Он не работал для Герцена, хотя последний в письмах и побуждал его к этому. Единственное, что им было за это время напечатано у Герцена, это — его прокламация, помещенная в 12-м номере «Общего Веча» (1863) под названием «От старообрядцев народу русскому послание». В мае 1867 г. Кельсиев добровольно явился на русскую границу и назвал себя; в Петербурге, сидя под арестом, написал «Исповедь», в которой заявил о полной перемене своих убеждений, был освобожден и стал совсем не ярким публицистом правого лагеря.

Кельсиева Варвара Тимофеевна — жена В. И. Кельсиева, верный и мужественный его спутник в тяжелых перипетиях его жизни. Когда она умерла в Галаце в октябре 1865 г., Герцен посвятил ей в «Колоколе» (№ 208) несколько теплых слов. С большой симпатией рисует Герцен образ Варвары Тимофеевны в «Былом и думах» (часть VI, глава 2, «В. И. Кельсиев»). Кельсиева была переводчицей сказ-

ки Жорж Санд «Грибуль», напечатанной в 1860 г. в Вольной русской типографии. «Больше она ничего не печатала», говорит В. Кельснев в «Исповеди».

Комаров Михаил Федорович (1844—1913) — известный украинский фольклорист, лексикограф и историк литературы. Был адвокатом в Киеве, потом нотариусом в Одессе. К украинскому движению прикинул еще в 60-е годы. В русском приложении к «Колоколу» за 1868 г. в №№ 5—6, 7 и 9 помещена статья «Клеветники», оставшаяся неоконченной за прекращением издания, с подписью «Чаплия». Статья представляет собою полемику с Катковым по украинскому вопросу. В № 4 есть заметка «Еще прибавка» с подписью «Ч.». В № 5—6 «Чаплия» поместил заметку «Еще прискорбнее»; по содержанию второй из этих заметок видно, что обе они писаны одним автором. В «Источниках словаря русских писателей» С. Венгерова (т. III, стр. 467) сказано, что «Чаплия» — это псевдоним Т. Комарова. Однако, писатель с таким именем совершенно неизвестен, и сам Венгеро не впис Т. Комарова в свой критико-библиографический словарь («Предварительный список русских писателей»). Надо полагать, что «Т.» в «Источниках» — просто опечатка. Лемке в примечаниях к письмам Герцена говорит лишь, что «Чаплия» — это Комаров, не давая никакого инициала. Совершенно естественно предположить, что под псевдонимом «Чаплия» скрывался именно Михаил Федорович Комаров. В 1868 г. он был еще молодым человеком, но начал печататься еще с 1865 г. Все его литературные интересы сосредоточивались вокруг украинского вопроса в широком смысле слова. См. его некролог в «Украинской жизни» 1913 г., IX и заметку о нем в новом издании энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона.

Костомаров Николай Иванович. — Ему принадлежит статья «Украина (Письмо к издателю «Колокола»)» в л. 61 (от 15 января 1860 г.). В виду малой доступности этой статьи широким кругам, Лемке перепечатал ее в примечаниях к сочинениям Герцена (т. IX, стр. 474—483).

Кошелев Александр Иванович. — В 1857 г., когда И. С. Аксаков находил точки соприкосновения с Герценом и видел некоторые ценные стороны в его литературной пропаганде, Кошелев, представитель правого крыла славянофилов, только возмущался великим публицистом. 22 июня он писал Аксакову: «Теперь читаю я Герцена и ни в чем не нахожу ни настоящего смысла, ни истинной жизни. Он кривляется, орет, ругает, выставляивает лышние фразы и пр. Разве это жизнь?.. Нет, дражайший Иван Сергеевич, в речах Филарета несравненно более жизни, чем в произведениях Герцена»⁷⁰. Однако, через два года, когда усиленно шли занятия по подготовке крестьянской реформы, Кошелев посылал Герцену сведения о ходе этих занятий. 5 ноября 1859 г. Герцен пишет М. А. Маркович: «...Ростовцевская комиссия, особенно по хозяйственной части, идет богато. Если вы увидите Кошелева, то попросите, чтобы он нам посылал заседания (у нас есть 50)». Уверенный тон этой просьбы говорит о том, что Герцен уже пользовался услугами Кошелева в этой области. Прямое указание на информацию, присылавшуюся Кошелевым Герцену, можно найти в «Вольном Слове», 1883 г., № 58. Там приводятся два письма к Герцену о крестьянском деле некоего NN от лета 1859 г. Драгоманов, автор публикации, говорит, что этот NN не был допущен в качестве эксперта в Редакционную комиссию, как слишком большой «эмансипатор». Главный комитет еще согласился, не без труда, допустить Черкасского и Самарина, но решительно высказался против автора названных писем. Можно не сомневаться, что дело идет о Кошелеве.

Кушакевич Иван Иванович — студент Московского университета. В архивном деле III отделения 1859 г. «Относительно открытия в Москве частной типографии и движением студентов» имеется донесение в III отделение из Москвы. Там говорится о студенте Кушакевиче, что он был зачинщиком студенческих протестов против профессора Варнека в 1858 г. и что он посылал статьи для помещения в «Колоколе» — в том числе писанную им самим статью «Факты по поводу дела проф. Варнека со студентами»⁷¹. Имя студента Кушакевича в литературе нам не встречалось. Статьи с приведенным заглавием в «Колоколе» помещено не было. Но в интересующей нас связи обращает на себя внимание статья Герцена «Син-

хедрион московских университетских фарисеев» в № 55 «Колокола» (от 1 ноября 1859 г.). Герцен говорит, что ему недавно доставили подробности истории с Варнеком; он передает то, что пишет ему его корреспондент, и приводит цитаты из его письма. Возможно, что этим корреспондентом и был Кушакевич.

Лавров Петр Лаврович. — В четвертой книжке «Голосов из России» (1857 г.) помещены без подписи два стихотворения Лаврова — «Пророчество» (январь 1852) и «Русскому народу» (декабрь 1854); оба стихотворения объединены общим заголовком «Современные отголоски» и посвящены Виктору Гюго. Там же напечатано «Письмо к издателю». Оно показывает отношения Лаврова к Герцену в середине 50-х годов. «Давно, очень давно, собирался я писать к вам, послать вам мою лепту в сокровищницу свободной русской мысли, сокровищницу, открытую вам, но только теперь нахожу возможным исполнить мое давнишнее желание и посылаю вам несколько листков стихотворений, в которых я старался по мере сил отозваться на некоторые вопросы ближайшей современности. Не мне судить о достоинствах моих произведений. Вам, одному из наших лучших писателей, вам, в сочинениях которого я нашел много своих задушевных мыслей, своих искренних убеждений, вам представляю я обнародовать их, если найдете это полезным, или обречь их забвению, так как для них нет другого типографского станка, кроме вашего». Далее Лавров говорит, что он посылает пять своих стихотворений: «Наиболее современное, наиболее производившее впечатление из пяти поэтических произведений, вам посылаемых, это было второе, то самое, из-за которого я преимущественно вхожу в объяснение, потому, что несколько сомневаюсь, захотите ли вы напечатать стихотворение, наиболее отходящее от ваших убеждений». Редакция сделала к этим словам примечание: «Стихотворение, о котором говорит автор, мы не сочли возможным напечатать по многим причинам». Как сказано, из пяти стихотворений было напечатано только два⁷². Сравнивая тексты обоих стихотворений, напечатанных в «Голосах из России», с автографами П. Л. Лаврова, находившимися в деле Аудиториатского департамента (2 отдел., 1 стол., № 70—1866 г.), видим, что печатный текст, особенно второго стихотворения, сильно отличается от рукописного. Возможно, что Лавров, отправляя их Герцену, сам поправил их, но вероятнее, что они были выправлены Огаревым.

Лафит де ля Пельгор Владимир, кн. — сын пленного маркиза, не вернувшегося во Францию и ставшего смоленским дворянином. Род. в 1818 г. в Вяземском уезде. Много путешествовал по России, потом жил во Франции. Выступал и как русский, и как французский литератор. Оставаясь, повидимому, формально католиком, много писал на религиозные темы в пользу православной церкви. Заграничный протоиерей Васильев писал о нем в 1852 г. своему начальству: «Перо этого писателя очень живо и бойко, и по его ревности к православию может быть полезно церкви и России». Пользовался иногда псевдонимом «вяземский мужичок. Петр Артамов». См., например, «Иезуиты красного петуха нам пустили, или развратится ли Россия в латинский католицизм?» в «Русском заграничном сборнике», часть II, тетрадь 4, Париж, 1859 г. Под тем же псевдонимом помещена в 6-й книжке «Голосов из России» (1859 г.) его статья «Слово князю Сергею Павловичу Голицыну, в ответ на его печатную правду, вяземского мужичка Петра Артамова». Во вступительной статье к этой книжке «Голосов» Герцен, между прочим, писал: «Мы вполне понимаем страстную логику, по которой.. вяземский крестьянин должен был так отвечать балагуру-князю, с его наивными угрозами «бушке барану» и с его сентельно-любезным красноречием»⁷³.

Мазуренко Николай Николаевич. — В 1858 г. он был уволен из Харьковского университета за участие в студенческих волнениях. В 1859 г., проживая временно в Германии, он «очень усердно занялся посылкою корреспонденций о России Герцену в „Колокол“». 17 ноября 1859 г. Герцен писал ему: «С величайшей благодарностью получили мы ваши статьи; они по содержанию не столько идут в „Колокол“, как в „Русские голоса“, за исключением последней. — из нее отрывок мы помещаем в „Колоколе“». В начале 1860 г. Мазуренко пришла в голову мысль об эмиграции из России, и он запросил на этот счет совета у Герцена. Тот на-

писал ему 3 февраля 1860 г. письмо, в котором со всею энергией отговаривал его от этой мысли. Он указывал на ужасные условия жизни эмигранта и убеждал не оставлять Россию тогда, когда там очень нужна всякая сила. В этом письме говорится и о новых присылках Мазуренко в «Колокол». «Статьи ваши я получил. Разговор на станции несколько фельетонен для «Колокола»; другие места употребим». После этого Мазуренко немедленно вернулся в Россию. В дальнейшем он помещал свои статьи (иногда под псевдонимом «Окнерузам») в «Современнике», «Очерках», «Народном Богатстве», «Заграничном Вестнике» и др. Составлял юридические справочники, был переводчиком. Работал в качестве частного поверенного. О своих отношениях с Герценом рассказал в статье «Первая харьковская университетская история» («Исторический Вестник», 1907 г., IX).

Мартыанов Петр Алексеевич (1835—1865) — крепостной графа А. Д. Гурьева, выкупившийся на волю и занимавшийся хлебной торговлей. Разорился и осенью 1861 г. приехал в Лондон, имея в виду фантастический план — добиваться возмещения убытков со своего бывшего барина. В Лондоне сблизился с Герценом, Огаревым, Кельсиевым. Усиленно занимался самообразованием и стремился печататься в герценовских изданиях, но с малым успехом. Кельсиев говорит об этом: «С первого дня его знакомства с нами его самолюбие пострадало: у него было наготовлено пропасть статей для «Колокола» и «Полярной Звезды» — и Герцен не принял ни одной. Он писал что-то по социальным вопросам, в полной уверенности, что его работа будет принята с восторгом, а Герцен и тут отказал. — Жалко мне этого Мартыанова, — сказал мне как-то Герцен, — хочется ему работать с нами, помещать статьи у нас, а что же я сделаю, если все, что он пишет, выходит или не ново, или, еще хуже, — слабо». Мартыанов стоял на точке зрения «народной монархии»; его искренний монархизм соединялся с глубокими антидворянскими тенденциями. 15 апреля 1862 г. Мартыанов отправил Александру II письмо с изложением своих заветных общественных убеждений и с требованием созыва Земской думы. Герцен согласился на его просьбу напечатать это письмо, и оно появилось в № 132 «Колокола» (снова было напечатано в № 178, после того, как Мартыанов был арестован). В конце того же 1862 г. Мартыанов напечатал в «Вольной русской типографии» брошюру «Народ и государство», проникнутую теми же монархическо-демократическими убеждениями. Мартыанов помешал какие-то заметки в «Общем Вече»; по крайней мере, Герцен 19 июля 1862 г. писал Огареву: «Посылаю... «Вече» с заметками Мартыанова и письмо и ответ Кельсиева. Ссора кипит». Дело идет, очевидно, о № 1 «Общего Веча», вышедшего 15 июля 1862 г. Весною 1863 г. Мартыанов отправился в Россию, не думая, что его выступления в пользу земского царя могут навлечь на него кару. 12 апреля он был арестован на границе и вскоре осужден сенатом на пять лет каторжных работ и вечное поселение в Сибири. В каторге он и умер.

Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — беллетрист и публицист, занимавший неопределенно-либеральную позицию. В 50-х годах он был в приятельских отношениях с Герценом и очень горячо приветствовал возникновение «Колокола». Так, в декабре 1857 г. он писал ему: «Вообще, я вижу с радостью, что число твоих корреспондентов увеличивается и что ты все более и более находишь сочувствия в России. Давай-то бог! Великое дело — настойчивость». Или в начале 1858 г.: «Посреди такого положения роль твоя, друг, велика и благотворна. Влияние твое безмерно. *N. est une puissance*, сказал недавно кн. Долгоруков⁷⁴ за обедом у себя»⁷⁵. Мельгунов очень активно участвовал в возникшей в начале царствования Александра II рукописной литературе. Эти произведения Мельгунова Герцен печатал в «Голосах из России», подчеркивая при случае, что редакция никоим образом не солидарна со всеми мнениями, излагаемыми в печатаемых в «Голосах» статьях. В первой книжке «Голосов из России» находится статья Мельгунова «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России»; в первом выпуске второй книжки — «Приятельский разговор»; в четвертой книжке — «Россия в войне и мире»⁷⁶. Кроме того, Мельгунов был иногда переводчиком для герценовских изданий. Из письма Герцена к нему от 22 февраля 1859 г. видно, что он перевел

с французского статью «О положении евреев в России» в № 37 «Колокола» и «Взгляд на тайное общество в России» декабриста Лунина в V книжке «Полярной Звезды».

В 60-х годах отношения Герцена и Мельгунова радикально изменились. Герцена возмущали статьи Мельгунова в «Петербургских ведомостях» и его ревностное сотрудничество в рептильной газете Н. Ф. Павлова «Наше Время», резко враждебной Герцену. В «Колоколе» стали встречаться ядовитые замечания относительно Мельгунова. В письмах же своих Герцен выражался еще определеннее. Вот, например, уничтожающий отзыв Герцена о москвичах, вообще, и, в частности, о Мельгунове в письме к Сатину от сентября 1862 г. «Для меня Кетчер, Корш, это — догнивающие трупы чего-то близкого; клеветы Чичерина, приятели Павлова, абсолютисты, они заставляют меня краснеть за былое. Беги Москвы, если не смеешь твердой воли разорвать с ними или дозволить при себе обругать нас... Пусть благородное сердце твое спасет тебя от этих крикунов, риториков, довольствующихся шумом в кофейной и попойками à propos de bottes. И тут еще всякая гнида à la Stankevitch jun⁷⁷ и от природы тупорожденный кривец Мельгунов... Что за скотный двор, в котором Катков бором, а Леонтьев филологом?»⁷⁸.

Мечников в Лев Ильич (1838—1888) — географ и социолог, эмигрант, бывший гарибальдиец. Познакомился с Герценом в 1863 г. во Флоренции. Поместил в № 170 «Колокола» короткое письмо от лица живущих в Италии русских с протестом против антипольских заявлений русской прессы (под заглавием «Точка поворота»). Повидимому, в это время писал и еще для «Колокола»: 11 ноября 1863 г. Герцен извещал Огарева, что в его письме, отправленном накануне, была вложена статейка Мечникова. В декабре 1863 г. ездил в Ливорно и, по словам Бакунина, наладил «верную и бесплатную доставку всех лондонских изданий из Ливорно в Константинополь и даже в самую Одессу»⁷⁹. Переехав в Швейцарию, сблизился с женеvскими эмигрантами. В № 185 «Колокола» напечатал «Письмо к Прудону» (Герцен писал по этому поводу сыну: «Его статья хороша»). В 1868 г., вместе с Н. Я. Николадзе, Мечников издавал в Женеве журнал «Современность». Герцен в своих письмах иногда отзывался о Мечникове отрицательно, на ряду со всей женеvской «молодой эмиграцией», но чаще был склонен выделять его в выгодную сторону, например: «У них нет ни связей, ни таланта, ни образования; один Мечников умеет писать» (письмо к Огареву от 8 января 1865 г.). В «Колокол» 1866 г. Мечников дал большую статью «Прудонова новая теория собственности» (№№ 218, 219, 221, 225, 226). В № 230 есть его статья «Весть о Прудоне». В книжке «Землеописание для народа», вышедшей в Женеве в «Вольной русской типографии» в 1868 г., Мечников составил, при участии Н. А. Шевелева, первый отдел, посвященный странам Западной Европы, Азии, Африки и Америки⁸⁰. Мечников участвовал и во французском «Kolokol»: в №№ 8—13 помещена его большая статья «Les antagonistes de l'Etat en Russie».

Милорадович Леонид Александрович (1841—1908) — помещик Черниговской губ. 9 мая 1862 г. Герцен писал И. С. Тургеневу: «„Письмо помещика“ писал юный малороссийский помещик. Я не знаю, за что ты на него очень рассердился; в следующ[ем] листе есть дальнейшее развитие. Нельзя же не допускать всякого рода мысли, когда основа их не противоречит нам». Здесь имеется в виду статья «Голос за народ (Письмо помещика)» в №№ 131, 132 и 133 «Колокола». Весьма возможно, что автором этой статьи был Л. А. Милорадович. Он был секретарем русского посольства в Штутгарте; весной 1863 г. возвратился в имение отца в Черниговскую губ. Перлюстрация его писем показала, что он был в сношениях с членами Гейдельбергской колонии. В начале 1863 г. он, вместе с Н. Л. Владимировым, впоследствии привлекавшимся по делу Гейдельбергской читальни, был в Лондоне и неоднократно виделся с Герценом. По возвращении в Россию, Милорадович в 1863 г., вследствие имевшихся сведений о его «весьма близких отношениях к Герцену», а также и за сочувствие украинофильским идеям, был подвергнут негласному надзору полиции. В 1871 г. надзор был снят; Милорадович в это время послал звание камер-юнкера и исправлял должность киевского уездного предводителя

дворянства. Впоследствии Милорадович был гофмейстером и каменец-подольским губернатором.

Мил ю т и н Николай Алексеевич. — По сообщению Семенова-Тяньшанского, Александр II заявил Я. Ростовцеву об имевшихся у него достоверных сведениях, что материалы для статей Герцена по крестьянскому вопросу, сильно задевавших Ростовцева и других участников реформы, доставлялись в редакцию «Колокола» Кавелиным при участии Милюткина. Доказательства же непосредственного участия Кавелина и даже Милюткина в статьях герценовского «Колокола» были секретно препровождены Ростовцеву в подлиннике, по высочайшему повелению, шефом жандармов кн. В. А. Долгоруковым⁸¹. В «Звеньях», вып. III—IV (стр. 406, высказано предположение, что Милюткину принадлежит статья «Программа для занятий губернских комитетов» в №№ 19 и 20 «Колокола». Об этой статье Герцен писал П. В. Анненкову: «Кто писал превосходную статью в 19 Колоколе? Не знаю, хотя и догадываюсь. Довольно тебе сказать, что она пришла в кучке славянофилов посылкою из Москвы, но получил я от Трюби. Статья эта превосходна во всех отношениях»⁸². Нам кажется мало вероятным, чтобы Герцен подразумевал здесь Милюткина: почему бы его статья пришла вместе со статьями московских славянофилов, от которых он стоял далеко? Скорее можно думать, что Герцену приходит на ум, например, Ю. Ф. Самарин.

Михайлов Михаил Илларионович — принимал участие в составлении известной прокламации 1861 г. «К молодому поколению», основным автором которой был Н. В. Шелгунов. Прокламация была отпечатана летом 1861 г. в «Вольной русской типографии», из-за чего Михайлов приезжал в Лондон. «Мы заклинали его не печатать своей прокламации», говорит Герцен о Михайлове в статье «Нашим врагам»⁸³. После ареста Михайлов взял всю вину составления прокламации на себя и пошел за это в каторгу. Сидя в Петропавловской крепости в конце 1861 г., Михайлов написал стихотворение «Памяти Добролюбова» («Вечный враг всего живого...»). Стихотворение было очень скоро доставлено в Лондон и напечатано в № 119—120 «Колокола» (от 15 января 1862 г.). В прибавлении к тому же № 119—120, выпущенному специально по поводу гражданской казни М. И. Михайлова, в статье «Михайлов и студентское дело», напечатано второе стихотворение Михайлова «Ответ» («Крепко, дружно вас в объятья...»), написанное им тоже в Петропавловской крепости в ответ на стихотворение Н. И. Утина «Узнику».

Михайловский Федор Егорович — бывший студент Московского университета. В конце 50-х годов был хорошо знаком с Н. М. Сатиным и А. А. Тучковым, заведывавшим винокуренным заводом и был управляющим в пензенском имении Сатина. В своих рукописных мемуарах, предоставленных нам Н. Ф. Бельчиковым, Михайловский говорит, что он написал письмо «о пензенском пашалыке и о действиях правителей его» (т. е. губернатора А. А. Панчулидзева), помещенное в «Колоколе». Хотя в мемуарах Михайловского замечается значительная хронологическая путаница, однако самый факт отправки им статьи в «Колокол» представляется вполне правдоподобным.

Мордовин Павел — штурманский кондуктор с клипера «Алмаз». 3 марта 1864 г. Герцен писал Огареву: «От Мордовина письмо Тх[оржевскому] пресимпатичное. Вот наши друзья. Я и забыл сказать, что Капп⁸⁴ писал мне, что во время празднества с русскими матрос[ами] гардемарины вынули портреты Бакунина и мой и повывакали»⁸⁵. Об этом Павле Мордовине сохранились некоторые сведения в архиве III отделения. В апреле 1864 г. был получен малограмотный анонимный донос по почте из Нью-Йорка. Там говорилось, что Мордовин в Лондоне брал у Герцена, получает от него литературу, распространяет «зловредные идеи» между товарищами и пр. «Писал Герцену насквиль на своего капитана, но напечатана только часть письма об г. Хотинском в № 179»⁸⁶. В указанном номере помещена статья Герцена «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский». Герцен рассказывает там о провокаторских действиях Хотинского среди моряков клипера «Алмаз» во время пребывания судна в Англии. Рассказ этот Герцен основывает на письме своего корреспондента, которое отчасти пересказывается им, отчасти цитируется. Весьма веро-

ятно, что этим корреспондентом и был Павел Мордовин. Дальнейшая судьба Мордовина не известна.

Налбандьян (Налбандов) Михаил Лазаревич (1830—1866) — армянский писатель, участник русского революционного движения 60-х годов. В 1861 г. вместе с другими лицами принимал некоторое участие в составлении прокламации Огарева «Что нужно народу?» («Колокол», № 102. Тогда же в «Вольной русской типографии» было напечатано и отдельное издание)⁸⁷. В 1862 г. Налбандьян был арестован по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами», в 1865 г. отправлен под строгий надзор полиции в г. Камышин, где вскоре умер.

Некрасов Николай Алексеевич. — В «Полярной Звезде», книжка V (1859 г.) была впервые напечатана анонимно его поэма «В. Г. Белинский», которая не могла увидеть света в России по цензурным условиям и была впервые напечатана легально в полном виде лишь в 1881 г. По этому поводу Некрасов во время последней своей болезни записал 23 августа 1876 г. в дневнике: «Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма — В. Г. Белинский. Написал в 1854 или 5-м году — нецензурная была тогда и попала по милости одного приятеля в какое-то герценовское заграничное издание — «Колокол», «Голос из России» или подобный сборник»⁸⁸. Кто был этот приятель — мы не знаем. Другое стихотворение Некрасова, появившееся прежде всего в герценовском издании, это — знаменитые «Размышления у парадного подъезда». Под заглавием «У парадного крыльца» это стихотворение напечатано в № 61 «Колокола» (от 15 января 1860 г.) с таким редакционным примечанием: «...Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворения нет возможности не поместить». Герцен, относившийся к Некрасову, как к человеку, прямо с ненавистью, конечно знал, чье стихотворение он печатает, но понимание общественной значимости данного произведения взяло верх над личными соображениями. В легальной печати «Размышления у парадного подъезда» появились лишь в 1863 г.

Николадзе Николай Яковлевич (1843—1928) — публицист. С 1864 г. жил за границей; в 1868 г. принимал участие в редактировании журнала «Современность». Еще до выезда за границу он корреспондировал в «Колокол» о тифлиских

ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИЙ

Литография

Музей Революции, Ленинград

делах; в 1865 г., живя в Женеве, сотрудничал у Герцена. Под псевдонимом «Рио Нели» в №№ 198 и 199 «Колокола» напечатана его статья «Освобождение крестьян в Грузии», о которой Герцен писал Огареву 15 июля 1865 г.: «Грузинская статья очень хороша». Этим же псевдонимом, «Рио Нели», подписаны статьи: «Наши будущие адвокаты перед „Московскими ведомостями“» (№ 201) и «Июньские дни в Тифлисе» (№ 204). Весьма возможно, что Николадзе же принадлежат и другие статьи о Грузии, которых в 1865 г. появилось в «Колоколе» не мало («Из Грузии» — № 196, «Беспорядки в Тифлисе» — № 202). Об активном участии Николадзе в «Колоколе» в 1865 г. говорят следующие строки письма Герцена к Огареву от 12 августа 1865 г.: «Огарев, помни, что к следующему № у меня ничего нет. Я вывез все женеvские⁸⁹, теперь заставь себя и Ник[оладзе]». Кроме того, Николадзе был автором книжки, выпущенной «Вольной русской типографией» в 1866 г. — «Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866». Книжка вышла под псевдонимом «Никифор Г.»⁹⁰.

Ничипоренко Андрей Иванович (1837—1863) — участник революционного движения 60-х годов. Учился в петербургском коммерческом училище одновременно с В. И. Кельсиевым; по окончании служил чиновником в различных ведомствах. В 1861 г. вместе с Артуром Бенин совершил поездку по России, имевшую некоторые агитационные цели, но совершенно не удавшуюся. Ближе стоял к организации «Земля и Воля». В марте 1862 г. имел в Петербурге свидание с приехавшим нелегально в Россию Кельсиевым. Летом того же года был в Лондоне, где виделся с Герценом и Бакуниным. Арестован в конце июля 1862 г. и привлечен к дознанию по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами». На допросе дал откровенные показания. В пасквильном романе «Некуда» Лесков изобразил Ничипоренко под именем Пархоменко. В своей «Исповеди» Кельсиев назвал Ничипоренко постоянным корреспондентом «Колокола». В большой рецензии на книгу Лескова «Загадочный человек» он говорит об этом еще более определенно: «Несколько лет сряду он был постоянным корреспондентом «Колокола» и доставлял всегда верные и замечательные сведения»⁹¹. Кельсиев мог говорить свободно об участии Ничипоренко в «Колоколе», потому что Ничипоренко умер 7 ноября 1863 г., находясь еще в Петропавловской крепости.

Новицкий Петр Васильевич (1835—1886) — публицист, сотрудник «Голоса» в «Времени». В № 151 «Колокола» помещено его письмо в редакцию (он жил тогда в Гейдельберге) с резким протестом против Л. Блюммера, напечатавшего в № 7—8 «Свободного Слова» за 1862 г. список лиц, подозреваемых в сношениях с тайной полицией и поместившего в этом списке имя некоего Новицкого. Известно, был ли действительно П. В. Новицкий агентом III отделения, но такие слухи о нем носились, и Блюммер в своем списке имел в виду именно его, а не другого какого-нибудь Новицкого⁹².

Обручев Николай Николаевич (1830—1904) — участник революционного движения 60-х годов, один из организаторов общества «Земля и Воля», в начале 60-х годов — профессор военной статистики, в дальнейшем — видный военный деятель, генерал от инфантерии, начальник главного штаба, член Государственного совета. Участвовал вместе с другими лицами в составлении прокламации Огарева «Что нужно народу?» («Колокол», № 102)⁹³. Вместе с Огаревым, при участии Н. А. Серно-Соловьевича, был автором прокламации «Что надо делать войску?» («Колокол», № 111).

Огрызко Иосафат Петрович (1826—1890) — издатель польской газеты «Slowo» в Петербурге в 1859 г., польский политический деятель. Занимал видное место в министерстве финансов. В 1859 г. после запрещения его газеты был арестован, но вскоре освобожден. В 1863 г. снова арестован и отправлен на каторжные работы. Владел типографией в Петербурге. Известный сотрудник III отделения журналист Аркадий Мальшинский говорит, что Огрызко был постоянным сотрудником Герцена по крестьянской реформе: помимо своего служебного положения, дававшего ему возможность быть в курсе политических новостей, его типография была в числе тех типографий, в которых печатались труды редакционных комиссий и своды постанов-

лений губернских комитетов, так что Огрызко имел возможность уведомлять Герцена из первоисточников⁹⁴. В этом утверждении Мальшинского нет ничего невозможного, но и считать его вполне обоснованным нельзя.

Панаев Валерьян Александрович (1824—1899) — инженер путей сообщения и публицист. В конце августа 1858 г. Панаев, будучи в заграничной командировке, явился к Герцену с просьбой о напечатании своего труда «Об освобождении крестьян». Герцен попросил его прочесть свою статью вслух, выслушал все до конца и пришел в восторг. Подробности этого свидания рассказаны Панаевым в его воспоминаниях⁹⁵. В конце октября статья «Об освобождении крестьян» появилась в «Голосах из России», книжка V, заняв собою всю эту книжку. Герцен в следующей книжке «Голосов из России» отозвался о работе В. Панаева, как о «глубоко обдуманном и очень замечательном проекте освобождения крестьян». Немного позже Панаев дал краткий конспект своего проекта; он рассылался при 44 номере «Колокола» и занял всего 3½ страницы («Проект освобождения помещичьих крестьян в России»). Редакцией было предпослано проекту несколько строк. Там говорилось: «Поразительная ясность прилагаемого проекта освобождения помещичьих крестьян, его краткость и дельность навели нас на мысль разослать его при нынешнем листе „Колокола“».

Панаев принял участие в той полемике, которая была вызвана известной статьей Б. Чичерина. Он напечатал в № 30—31 «Колокола» письмо к Герцену по поводу выступления Чичерина. В 32—33 номере «Колокола» появилось новое «Письмо к издателю „Колокола“» (с подписью «Русский») и статья «Автору обвинительного акта г. Ч.».

Еще одна попытка Панаева напечататься в «Колоколе» не увенчалась успехом. Он прислал из Брюсселя «Ответ на статью, напечатанную в №№ 28, 30, 31 «Колокола» — «Реформа сверху или реформа снизу?». Статья Панаева совершенно противоречила всем идеям Герцена: он защищал монархически-самодержавную форму правления, доказывал, что истинная свобода лучше всего осуществляется при монархии, что самодержец является «выразителем господства духа над материей» и пр. Весной 1859 г. при личном свидании с Герценом Панаев спросил его о судьбе своей статьи. По его словам, Герцен ответил ему: «Вы соиздатель или строитель, а не разрушитель, «Колокол» же является органом протеста против существующих порядков, т. е. носит в себе характер разрушительный; и потому я не напечатая вашей статьи в «Колоколе». Но в виду особенной серьезности затрагиваемого вами вопроса, я не считаю себя в праве не допустить его на общий суд и потому напечатая ее в «Полярной Звезде», которая появится в будущем году». «Полярная Звезда» не появилась более, а потому и статья моя не была тогда же напечатана⁹⁶. Панаев ошибается, что «Полярная Звезда» больше не выходила: если ее не было в 1860 г., то в течение 1861 и 1862 гг. вышло три выпуска (не касаясь более позднего времени). Очевидно, Герцен просто не захотел печатать статьи Панаева в защиту самодержавия. Гораздо позже, в 1877 г., Панаев сам напечатал в Париже свое произведение под заглавием «Проект политической реформы в России» (под псевдонимом «Патфидер»).

Перцов Константин Петрович — советник казанского губернского правления, председатель следственной комиссии, командированный казанским губернатором Апраксиным для расследования причин известных волнений крестьян в с. Бездне в 1861 г. Брат Эраста Перцова, о котором см. дальше. Его товарищ по комиссии — адъютант губернатора Ф. А. Половцев в своих воспоминаниях говорит, что «Перцов, бывший студент Казанского университета, имел по тогдашней мере убеждения весьма передовые»⁹⁷. Материалы о волнениях в с. Бездне он прислал своему брату Эрасту в Петербург. Соображения М. В. Нечкиной о том, что К. П. Перцов, наряду с Половцевым, доставил Герцену материалы для статьи «Сказание о безденском побойше в Казанской губернии по случаю освобождения крепостных крестьян» («Колокол», №№ 122—123, 124, 125) см. в заметке о Ф. А. Половцеве. Причастность Перцова, как и Половцева, к информированию Герцена по этому делу правдоподобна.

Перцов Эраст Петрович (1804—1873) — помещик Казанской губ., второстепенный литератор, начавший писать еще в пушкинскую эпоху. Лично встречался с Пушкиным. В 1858 г., путешествуя по Европе, виделся с Герценом. В 1860 г. (он жил тогда в Петербурге) на него поступил анонимный донос, в котором он назван «самым ожесточенным корреспондентом Герцена». В августе 1861 г., после того, как на почте было перехвачено несколько толстых пакетов из Казани в Петербург на имя Э. П. Перцова с подробным описанием крестьянских волнений в с. Бездне Казанской губ., он был обыскав в виду возникшее подозрение, что посылка предназначалась для «Колокола». Найдены исторические записки Перцова о 1861 г., написанные в очень резком тоне. В них, между прочим, говорилось: «Мои заметки о России вообще будут напечатаны особо». Напечатать их по их тону было бы возможно только за границей. Были найдены еще черновые наброски двух писем к Герцену с возражениями против его статей в «Колоколе». Материалы с крестьянских волнениях, которые присылались Перцову из Казани братом его Константином, советником губернского правления, предназначались, по всей вероятности, для напечатания в «Колоколе». Отправлял ли уже Перцов что-нибудь Герцену раньше — не известно. Прямых доказательств его сношений с Герценом и участия в «Колоколе» властям найти не удалось. Он был административно подвергнут заключению в крепости на 6 месяцев с последующей высылкой в Вятку. Вятка была заменена Новгородом, откуда Перцов в следующем году вернулся в Петербург. В 1873 г. он покончил с собой вследствие расстроенных денежных обстоятельств⁹⁸.

Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885) — профессор греческой словесности Московского университета, эмигрант с 1836 г., ставший в 1841 г. католическим монахом. В апреле 1853 г. Герцен разыскал его в Лондоне и виделся с ним. В разговоре Герцен спросил, нет ли у него его старых стихотворений, которые он читал еще в России в рукописи. Получив отрицательный ответ, Герцен попросил позволения напечатать их, если он их где-нибудь найдет. Печерин отвечал в том смысле, что ему нет дела до этих ничтожных произведений. На повторный вопрос, можно ли напечатать его стихи, Печерин опять не дал прямого ответа. Герцен считал это уклонение от ответа за позволение. Неоднократно он печатал обращение к читателям с просьбой доставить ему ходившие по рукам стихи Печерина. Когда, наконец, он добился желаемого, то напечатал в VI книжке «Полярной Звезды» (1861 г.), с именем автора, стихотворную фантазию Печерина «Торжество смерти» (под заглавием «*Not-rougi*, или чего хочешь, того просишь»). В этой же книжке он описал свое свидание с Печериным; это описание потом составило особую главу «Былого и дум». В том же году «Торжество смерти» было перепечатано в сборнике «Русская поэтажная литература XIX столетия», изданном с предисловием Огарева. Печерин больше не виделся с Герценом, но имел с ним переписку и читал его произведения. Начиная с 1862 г., он делал пожертвования в «Общий фонд» на нужды эмигрантов. В письме к редактору, напечатанном в № 12 «Листка» кн. П. В. Долгорукова (от 23 сентября 1863 г.), он писал: «До сих пор я поддерживал знание родного языка чтением «Колокола» и других сочинений г. Герцена и, не смотря на различие наших мнений, я обожаю его несравненный талант». В этом же письме он заявлял, что если бы вследствие какого-нибудь переворота ему удалось вернуться в Россию, то он «присоединился бы не к старой России, а к молодой и с пламенным участием простер бы свои объятия русскому юношеству во имя свободы совести и земского собора»⁹⁹.

Пикулин Павел Лукич (1822—1885) — врач, член московского кружка Грановского. В августе — сентябре 1855 г. он был у Герцена в Лондоне. Свидание с ним очень взволновало Герцена, так как это был первый посетивший его в Лондоне человек из близкого ему кружка. После свидания с ним Герцен писал М. К. Рейхель: «Это — первый живой и дельный человек из стран гиперборейских... Я очень и очень доволен посещением... Я устал, действительно физически устал от обилия чувств, воспоминаний — это чуть ли не первый светлый луч после 1850 г.»¹⁰⁰. Вернувшись в Россию, Пикулин кое-что доставлял Герцену для его

изданий. Это видно из следующих строк в письме Герцена к Рейхель от 16 ноября 1857 г. «Ваше письмо с приложениями не только получено, но уже отослано в типографию. Ужасы и гнусности. Так и быть, иду в палачи за народ и постогаю этих мошенников. Я догадываюсь, кто вам писал по имени Венского¹⁰¹, лишь бы они не писали пустых или неверных фактов».

Победоносцев Константин Петрович. — В дневнике известного сановника А. А. Половцева, председателя исторического общества, записано под 23 февраля 1901 г. о его беседе с Николаем II: «Говоря о предполагаемых на общем собрании чтениях, упоминаю имя Пыпина и говорю, что он в прежнее время был либералом, но что с годами это прошло; а кто же в молодости не был либералом? Ведь сам Победоносцев писал статьи Герцену в «Колокол».

Государь. Вполголоса. Да, я это слышал.

Я. Он сам мне это говорил. Он написал памфлет на гр. Панина¹⁰².

Как видно, сведения об участии Победоносцева в изданиях Герцена были широко распространены, если они дошли даже до Николая II. Собственные слова Победоносцева Половцеву не оставляют сомнения в том, что будущий вершитель судеб русской церкви и глава русской реакции был в свое время сотрудником Герцена. Можно высказать предположение, что «памфлет на графа Панина», о котором говорит Половцев, это — «Граф В. Н. Панин, министр юстиции». Произведение это заняло весь седьмой выпуск «Голосов из России» (1859 г.). Автор его до сих пор не был известен.

Половцев Федор Александрович — адъютант казанского губернатора Апраксина. Он входил в следственную комиссию, назначенную губернатором для расследования причин известного волнения крестьян в с. Бездне в 1861 г. М. В. Нечкина называет Половцева, как и председателя комиссии К. П. Перцова, «яркими представителями тогдашних либералов, поставщиками материала для «Колокола» Герцена¹⁰³ и высказывает предположение, что публикация «Сказание о безденском побоеще в Казанской губернии по случаю освобождения крепостных крестьян» (№№ 122—123, 124, 125) основана на материалах, доставленных в «Колокол» Половцевым и Перцовым. Сопоставляя воспоминания Половцева («Исторический Вестник», 1907 г., т. XI) со «Сказанием», исследовательница находит, что ряд фактов, приведенных в последнем, был известен только Половцеву. «Сказание» представляет собою черновики двух рапортов Апраксина, приведенные в обширных извлечениях, перемежку с рассуждениями очевидца-корреспондента. М. В. Нечкина указывает, что черновиками апраксинских рапортов, брошенными после отъезда Апраксина в том доме, где он останавливался, могли легче всего завладеть оставшиеся в доме члены следственной комиссии, т. е. в первую голову Перцов и Половцев.

Потебня Андрей Афанасьевич — офицер-революционер. Служил в Польше и был организатором революционной группы среди офицеров, был участником общества «Земля и Воля», имел личные и письменные сношения с Герценом, Огаревым и Бакуниным по польским делам. В мае 1862 г. он писал Герцену от лица группы офицеров в Польше. Отрывки из этого письма Герцен привел в своей статье «Письмо от офицеров» в № 135 «Колокола». Летом 1862 г. Потебня покинул полк и перешел на нелегальное положение. В ноябре 1862 г. был в Лондоне у Герцена и рассказывал ему о растущем недовольстве среди русских солдат в Польше (Герцен, т. XV, стр. 363—364). Вышедший в свет в конце ноября того же года сборник «Солдатские песни» (цена 3 коп. сер.), 1862, Лондон, «Вольная русская типография», по всей вероятности был доставлен Герцену тем же Потебнею. В этот сборник, представляющий собою наиболее яркое и удачное агитационное издание герценовской типографии, предназначенное для широких масс, вошло семь песен, написанных «на голос» известных в то время настоящих солдатских песен. Упоминание в одной из них казны Аригольда с товарищами, настойчивый призыв к солдатам не стрелять в наших братьев-поляков заставляют предполагать, что песни эти вышли из офицерского кружка, руководимого Потебнею. В 1863 г. Потебня принял участие в начавшемся польском восстании и был убит 4 марта 1863 г. в сражении под Песчаной Скалой¹⁰⁴.

Рамлов в Иеладни — студент-поляк. В № 143 «Колокола» (1 сентября 1862 г.) есть его «Письмо из Константинополя». Арестованный по политическому делу и приговоренный к отдаче в солдаты в линейные полки в Сибири, он сбежал с сибирской границы. В письме он извещает знающих его об удачном побеге и горячо благодарит тех русских, которые помогли ему.

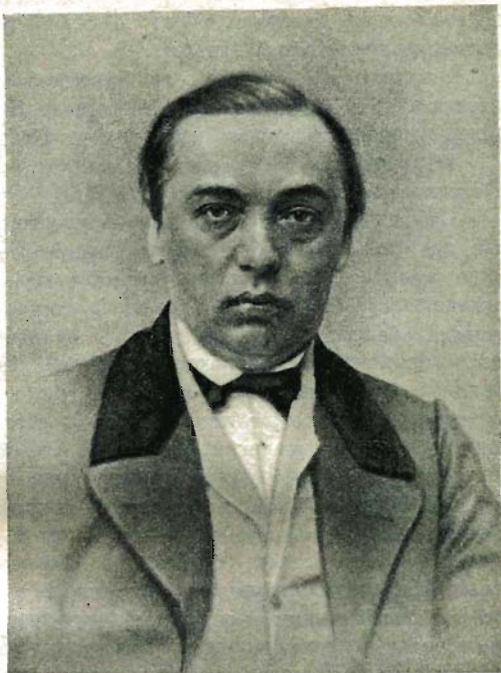
Рейхель (урожденная Эри), Марья Каспаровна (1823—1916). — Она познакомилась с Герценом еще двенадцатилетней девочкой в Вятке и оставалась до самой смерти Герцена его верным другом. Она жила в молодости в доме отца Герцена, а по возвращении из ссылки в Москву А. И. Герцена поселилась у последнего и занималась воспитанием его детей. Выехала вместе с Герценом за границу, как близкий друг всей его семьи. В конце 1849 г. вышла замуж за немецкого музыканта и композитора Рейхеля и рассталась с семьей Герценов, поселившись в Париже. С 1857 г. Рейхели жили в Дрездене, с 1867 г. — в Берне. Письма Герцена к Марье Каспаровне, сохранившиеся в громадном количестве, показывают, как велика была ее дружба к нему. На склоне лет Рейхель написала свои воспоминания о Герцене и там впервые опубликовала многие его письма («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена», М., 1909 г.). Особенно важна была для Герцена дружба с Рейхель в период создания «Вольной русской типографии» и блестящей эпохи «Колокола». Извещая Рейхель о том, что типография начала действовать и что теперь важнее всего получать материал для печатания, Герцен писал: «Ах, боже мой, если бы у меня в России вместо всех друзей была одна Мария Каспаровна — все было бы сделано». Рейхель была главной связью Герцена с Москвой и Россией, через нее поддерживались отношения Герцена с прежними друзьями. Мария Каспаровна играла громадную роль в деле доставки Герцену всевозможных материалов, различных сведений о России. Количество получаемого ею для Герцена материала из России было так велико, что, например, он рекомендует ей в письме от 20 января 1860 г. составить для получаемых вещей каталог. Очень большую помощь оказывала она Герцену и в деле распространения его изданий. Совершенно прав М. К. Лемке, глубоко изучивший их отношения на почве издательской работы Герцена, в таком своем заключении: «Без этого помощника, без этого своего «начальника штаба» ему подчас было бы невозможно обойтись. Русское общество многим обязано М. К. Рейхель»¹⁰⁵.

Розанов Сергей Матвеевич. В 179 номере «Колокола» напечатано от издателей: «Мы получили две замечательные статьи из России: «От детей к отцам» и «Братское слово к учителям семинарий». Последнее мы с большой радостью помещаем в сегодняшнем «Общем Вече» и обращаем внимание читателей «Колокола» на эту статью». Статья «Братское слово к учителям семинарий», вызвавшая такое одобрение Герцена и Огарева, напечатана в 27 номере «Общего Веча» (от 15 февраля 1864 г.). Другая статья «От детей к отцам», повидимому, не появлялась в печати. М. К. Лемке, ссылаясь на архив III отделения, сообщает, что автором этих статей был студент Гейдельбергского университета Сергей Матвеевич Розанов¹⁰⁶. Он находился в письменных сношениях с Герценом. В 1866 г. Розанов, в числе других гейдельбергских студентов, подписался под адресом царю по поводу выстрела Каракозова. В июле этого года он еще поддерживал переписку с Герценом. В 1868 г. он служил в Петербургском ботаническом саду. Сведения эти очень неполны и несколько расходятся с тем, что можно узнать о Розанове из других источников. С. М. Розанов, родившийся 20/1 1840 г., был ботаник, подававший большие надежды и уже составивший себе имя. По окончании в 1863 г. Петербургского университета он был отправлен за границу и провел там три года, занимаясь в ботанических институтах Германии и Франции. Следовательно, в Гейдельберге он был не в качестве студента, а как начинающий ученый. В 1867 г. Розанов защитил магистерскую диссертацию, с 1868 г. состоял главным ботаником Петербургского ботанического сада. Поместил ряд статей в русских, немецких и французских научных журналах; читал лекции по ботанике в Технологическом и Горном институтах. В 1870 г. отправился для лечения за границу и там по дороге умер 21 ноября. Сведения о нем, помимо энциклопедического словаря Брок-

П. Л. ПИКУЛИН

Фотография

Литературный музей, Москва

гауза-Ефрона, можно найти также в «Русском биографическом словаре». Некролог его был напечатан в «Трудах сибирского общества естествоиспытателей», т. 2, стр. 197—200.

Рошковский — капитан генерального штаба. Его «Письмо» появилось в №№ 171 и 172 «Колокола» (октябрь — ноябрь 1863 г.). Редакция прибавила следующие вступительные строки: «Мы помещаем с весьма небольшими выпусками письмо капитана генерального штаба г. Рошковского. Оно живо представляет печальную картину процесса, которым петербургское правительство посылает отвращение ко всему русскому». Автор письма, родившийся в 1831 г. в Валахии, рассказывает о себе, что он рос, воспитывался и прожил почти всю жизнь между русскими и исключительно под руссофильскими влияниями; по-польски не умеет даже читать и писать, по религии православный; всегда считал и продолжает считать себя русским. И несмотря на все это, он принужден был в 1863 г. эмигрировать. Рошковский рассказывает о правительственных преследованиях, вследствие которых ему пришлось оставить Россию, и заканчивает свое письмо заявлением, что в дальнейшем он будет сообразоваться только с требованиями и указаниями общества «Земля и Воля». О личности и судьбе Рошковского, кроме того, что он сам о себе сообщает, нам ничего не известно.

Савицкий («Стелла»), Иван Михайлович — эмигрант. Бывший полковник генерального штаба, окончивший в 1854 г. академию; в 1863 г. командовал повстанческим отрядом под именем «Стелла». В Женеве познакомился с Герценом. В 1867 г. поступил на медицинский факультет Страсбургского университета. Находился в переписке с Герценом. В № 235—236 «Колокола» напечатано «Письмо полковника Савицкого» с протестом против клеветы на него «Варшавского дневника».

Сазонов Николай Иванович (1815—1862) — самый близкий к Герцену и Огареву в юности член их студенческого кружка, блестяще одаренный от природы, эмигрант с начала 40-х годов, Сазонов по ряду причин не был сколько-нибудь активным участником издательской деятельности Герцена. Его сотрудничество сводится всего лишь к двум произведениям. В 1855 г. в «Вольной русской типографии» была отпечатана его агитационная брошюра «Родной голос на чужбине. Русским пленным во Франции». Во второй книжке «Полярной Звезды» (1856 г.) по-

мещена статья Сазонова «Место России на всемирной выставке». Обе вещи подписаны полным именем автора.

Салиас де Турнемир Елисавета Васильевна (1815—1892) — известная писательница. Об ее отношениях к Герцену см. публикацию П. Дьяконова в 1-м выпуске настоящего тома «Литературного Наследства», стр. 257 сл.

Ей принадлежит корреспонденция о студенческих волнениях, помещенная в «Колоколе», л. 113 от 22 ноября 1861 г.

Самарин Юрий Федорович — известный славянофил, публицист и общественный деятель. Герцен был близко знаком с ним еще в начале 40-х годов и ценил тогда в нем ум и некоторые свойства его характера. Постепенно они все больше расходились. В 1864 г. за границей состоялось свидание Герцена с Самариним. Самарин убеждал Герцена в том, что он приносит России громадный вред. В «Письмах к противнику» («Колокол», №№ 191, 193, 194) Герцен блестяще показал всю реакционность Самарина, проявленную им в их беседе (не называя его, конечно, по имени). Но, прежде чем произошел этот окончательный разрыв, Самарин тоже стремился быть союзником Герцена в его борьбе. Это было в конце 50-х годов, когда общественная дифференциация еще не достаточно проявилась и когда «за Герцена» был ряд лиц, по существу реакционных. О стремлении Самарина сотрудничать с Герценом говорит его письмо от 9 мая 1858 г. «...Я послал вам слишком год тому назад четыре статьи для «Голосов из России»: 1) большую статью о мерзости крепостного права и об упразднении его, писанную в 1854 г.; 2) статью под заглавием «Чему мы должны научиться?», писанную после Парижского мира; 3) письмо к генералу Людерсу по поводу его приказа, данного армии, о том, чтобы офицеры не поднимали насмех ратников ополчения; 4) статью о влиянии одежды на общественный быт. Отчего вы ничего не напечатали?» Далее Самарин указывает, что Яков Ростовцев — «вреднейшая и опаснейшая скотина», обладающая «страшным незуитизмом», сильно идет в гору; он дает Герцену совет разобрать его печатную инструкцию о преподавании и воспитании в кадетских корпусах. «В ней, между прочим, буквально сказано, что совесть нужна человеку в частном, домашнем быту, а на службе и в гражданских отношениях ее заменяет воля начальства. Разберите подробно это образцовое произведение Лойолы-фельдфебеля. Никто не сделает этого как вы»¹⁰⁷. Исполнением совета Самарина была статья Герцена «Черный кабинет» в 20 номере «Колокола» (1 августа 1858 г.). Она кончается таким восклицанием: «О, равви Абраамий-бен-Норов! Нам приходится жалеть о нашем библейском министре... Да что Авраамий — Иегова с ним. Как бы бог Иакова и ростовский незуитизм не заставил нас жалеть о вяземском!» Здесь Герцен использовал эпитет «иезуит», примененный Самариним к Ростовцеву. Герцен не мог дать разбора указанной ему книжки Ростовцева (у него, конечно, не было ее за границей), но приведенную Самариним цитату из этой книжки он буквально взял эпиграфом к своей статье. Самарин здесь ввел Герцена в заблуждение: приписанной им Ростовцеву фразы о совести в «Руководстве» Ростовцева нет.

Серно-Соловьевич Николай Александрович — видный участник революционного движения 60-х годов. В его разнообразной деятельности имело место и участие в герценовских изданиях. 1 сентября 1861 г. Герцен писал Огареву: «Статья Серно-Соловьевича я никак бы не напечатал. Напиши Чернецк[ому], чтоб он ее прислал. Смотри, у меня есть инстинкт, и до сих пор всякий раз я, уступая, делал беду». Статья, о которой идет речь, это — «Ответ Великооруссу», напечатанный в № 107 «Колокола» (от 15 сентября 1861 г.) с подписью «Ваш. Один из многих». Автор статьи доказывал, что с призывом к борьбе нужно обращаться не к обществу, а к самому народу. Все лучшее из общества должно соединиться в один союз, объединяющий отдельные тайные общества. Кроме того, Серно-Соловьевич принимал участие, вместе с другими лицами, в составлении прокламации Огарева «Что нужно народу?» («Колокол», № 102. Тогда же была отпечатана отдельным изданием) и помогал Огареву и Н. Н. Обручеву в написании прокламации «Что надо делать войску?» («Колокол», № 111. Вышла и отдельным изданием в нескольких видах)¹⁰⁸. Надо полагать, что участие Серно-Соловьевича в герценовских

изданиях было больше того, что нам известно. На допросах Кельсиева в 1867 г. следователи интересовались вопросом об участии в «Колоколе» Серно-Соловьевича. Кельсиев ответил: «Обручев и Серно-Соловьевич тоже ничем не выдавались, и только теперь я узнал, что последний был постоянным корреспондентом. «Колокола» Хотя Серно-Соловьевича тогда уже не было в живых, однако, искренность Кельсиева в этом ответе остается под сильным сомнением.

Слепцов Александр Александрович (1835—1906). — Он принимал активное участие в революционном движении 60-х годов, был одним из основателей и членом Центрального комитета общества «Земля и Воля». Находясь за границей, содействовал Огареву в составлении следующих прокламаций: 1) «Что нужно народу?» («Колокол», № 102 и отдельное издание); 2) «Всему народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота»; 3) «Братья солдаты! Одумайтесь — пока время». Две последние прокламации напечатаны в 1863 г. в «Вольной русской типографии» для общества «Земля и Воля»¹⁰⁹. Возможно участие Слепцова и в составлении прокламации «Офицерам всех войск от общества „Земли и Воли“», вышедшей тогда же. Вскоре Слепцов отошел от революционного движения и отдался государственной службе.

Толбин Василий Васильевич (1821—1869) — поэт, беллетрист, рецензент и фельетонист. В числе прочих изданий сотрудничал в «Искре». В 1849 г. привлекался к допросу по делу Петрашевского и был подвергнут надзору. О нем говорится в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона: «В начале 60-х годов был фельетонистом «Северной Пчелы», «СПб. Ведомостей», «Русского Инвалида»; к этому времени относятся и несколько стихотворений его, ходивших в рукописи и частью помещенных в «Колоколе» Герцена». Заметка подписана «П. В. Б.», т. е. Петр Васильевич Быков. Быков в 60-х годах был уже взрослым человеком, входил в литературные круги, и его сообщение является поэтому отголоском тех сведений, которые имелись о Толбине в 60-х годах. Стихотворений в «Колоколе», вообще, печаталось очень немного. Если отбросить те из них, авторы которых известны (Огарев, Некрасов, Зотов, Михайлов, Утин, то останется всего 3—4 стихотворения неизвестных авторов: 1) «Современное» («Вот Семен Авдеч...»); 2) «Грустно матушке России»; 3) «Уральская песня» («Как по реченке...»); 4) «Солдатская песня» («Русская кровь льется...»). Действительно ли среди этих авторов был Толбин и что именно принадлежит ему, мы не можем определить.

Трубецкой Николай Платонович, кн. — штабс-капитан гвардейской артиллерии, бывший адъютант принца Мекленбургского. В конце 1860 г. он явился в Лондон и стал наборщиком в типографии Герцена. Кельсиев говорит, что он скрыл причину, по которой оставил Россию. «Он много настрадался, пока решился обратиться к нам за помощью», добавляет Кельсиев. В типографии он работал около года, и работал очень хорошо, как писал Герцен Тургеневу в своем рекомендательном письме. Это совпадает с отзывом Кельсиева в «Исповеди», который называет его отличным наборщиком. Для VI книжки «Полярной Звезды» Трубецкой перевел с французского письмо декабриста Лунина¹¹⁰. Дальнейшая судьба Трубецкого неясна. По письмам Герцена, отзывавшегося о нем с известной симпатией, можно проследить, что до 1867 г. он жил в разных местах за границей. Эмигрантом он не был. Чрезвычайно сомнительны даваемые М. К. Лемке сведения, что в 1862 г. он ездил в Россию и участвовал в организации «Земли и Воли». Ничем не подтверждает Лемке и того, что Трубецкой оказал помощь Гарибальди, обучая его артиллерию¹¹¹. Очень загадочно последнее, что сообщается о Трубецком: в апреле 1872 г. он был прислан по этапу, как бродяга, из Севска в Орел..¹¹² Биография этого бывшего герценовского наборщика, начавшего свою карьеру блестящим гвардейским офицером¹¹³, а кончившего, как бродяга, заслуживает внимания.

Трувеллер Владимир Васильевич — флотский юнкер. В 1861 г. явился в Лондон к Герцену. Его целью было реабилитировать своего умершего под судом отца, в невинности которого он был уверен. Разобрать привезенную им грудку судебных документов и составить записку для «Колокола» было поручено Кельсиеву. В июне 1862 г. Трувеллер был арестован на фрегате «Олег» после возвращения из

заграничного плавания. При нем были найдены лондонские прокламации, и было доказано, что он распространял их среди матросов. Трувеллер был приговорен к каторжным работам, замененным по конфирмации ссылкой в Западную Сибирь. Как видно из рассказа Герцена, Трувеллер давал ему сведения о жестоком обращении с матросами на фрегате «Олег» и, в частности, о капитане Андрееве¹¹⁴ (на эту тему в «Колоколе» было несколько статей. Герцена осведомляли и другие офицеры).

Тургенев Иван Сергеевич. — Тургенев оказывал Герцену весьма значительное содействие по «Колоколу». 22 декабря 1857 г. он присылает ему для скорейшего помещения в «Колоколе» материалы о князе Л. В. Кочубее, стрелявшем в своего управляющего Зальцмана. Благодаря высокому общественному положению Кочубея, его преступление было замазано. Материалы, присланные Тургеневым, были опубликованы в № 7 «Колокола»¹¹⁵.

В конце 50-х и самом начале 60-х годов Тургенев был одним из самых ревностных друзей Герцена, обслуживавших его разного рода информацией. Об этом говорит их переписка. 16 сентября 1859 г. Тургенев предупреждает Герцена, что к нему явится декабрист Вегелин. «Он привезет тебе от меня две важных рукописи, которые были мне доставлены для «П. З.» во время моего пребывания в Виши»¹¹⁶. О каких рукописях идет речь — сказать трудно, но в пятой книжке «Полярной Звезды» (1859) было напечатано стихотворение Тургенева «Кнут» («Ремянный кнут, не беззуханный...») — подражания стихотворению Пушкина «Цветку» («Цветок засохший, беззуханный, забытый в книге вижу я...»), — без подписи автора. В принадлежности стихотворения Тургеневу — см. «Общее дело», № 71 (март 1885), стр. 11. 22 мая 1860 г. он сообщает, что Н. М. Жемчужникова доставит ему две важные бумаги; Тургенев просит напечатать их и ручается за их несомненность своим словом. 1 января 1861 г. Герцену были отправлены материалы по делам во флоте: статья из «Морского сборника» о взрыве на одном из судов и какое-то письмо А. В. Головинина, касающееся поднятого «Колоколом» вопроса о жестоком обращении с матросами. Тургенев при этом напоминал Герцену, что «эдакого рода наши отношения должны храниться в тайне», подразумевая свое посредничество в передаче Герцену материалов от таких лиц, как Головинин. В № 90 «Колокола» (от 15 января 1861 г.) появилась статья Герцена «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“».

Очень оживленный обмен письмами происходил между Герценом и Тургеневым в дни, когда ожидалось объявление манифеста о крестьянском освобождении и сейчас же после его объявления. Герцен пишет: «Вообще, Тургенев, ты уж теперь нас не забывай и, как что, пиши, а если очень важно, то и в телеграф сырай». Как только в Париже, где жил тогда Тургенев, стало известно об окончательных решениях по крестьянскому вопросу, Тургенев написал об этом Герцену, и последний почти дословно привел некоторые сообщения Тургенева в своей заметке «15 марта. Последние новости» (№ 94).

Получив любопытное письмо Анненкова, писанное сейчас же после объявления «воли», Тургенев копию с него отправил для осведомления Герцена. Герцен просит его немедленно заказать переписчику снять для Лондона копию с «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Выражая настроения умеренно-либеральной части общества, Тургенев часто просит Герцена не задевать тех или иных высокопоставленных лиц: Александра II, вел. кн. Константина Николаевича, министра Головинина. Вообще говоря, Герцен прислушивался к такого рода просьбам.

С другой стороны, Тургенев иногда указывал на желательность коснуться в «Колоколе» той или иной темы. «Скажи два слова в «Колоколе» о смерти Шевченко», напоминает он в марте 1861 г. 18 сентября 1860 г. Тургенев пишет Герцену о необходимости «отхлестать нашего барина за эти гнусные австрийские обеды, напоминающие самую скверную эпоху Николаевщины»¹¹⁷. Герцен ответил на этот вызов двумя статьями: «Последний удар» (№ 82) и «Es reiten drei Ritter» (No. 85).

Тургенев был очень полезен «Колоколу», как усердный поставщик информа-

ции, разных документов и материалов. Как самостоятельный автор он в «Колоколе», повидному, не выступал — если не считать его «Письма к издателю», подписанного полным именем, в № 134 (здесь Тургенев протестовал против слишком резких эпитетов относительно издателя Основского во 2-м номере долгоруковского «Правдивого»: Основскому ставилась в вину Долгоруковым его денежная неаккуратность относительно Тургенева). Был однажды случай, когда Тургенев хотел выступить в «Колоколе», хотя и строго законспирировавшись. «Я решился тебе отвести в вашем же журнале, хотя это не совсем легко — во всяческом смысле этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя в тайне и даже, если можно, отведи другим глаза. Я надеюсь через неделю послать тебе ответ — он уже начат» (письмо к Герцену от 27 августа 1862 г.). Отвечать он собирался на статью Герцена «Концы и начала» — по общим принципиальным вопросам. Однако, это выступление не состоялось. 18 октября того же года Тургенев извещал: «Что же касается до моего ответа на «письма», помещенные в «Колоколе», то уже несколько страниц было сброшено — я тебе покажу их — но, так как всем известно, что ты пишешь мне, я приостановился, тем более, что получил под рукою официозное предостережение не печататься в „Колоколе“».

Здесь уместно выяснить одно недоразумение, возникшее по вопросу об участии Тургенева в «Колоколе». З. Коган, автор статьи «Тургенев и Герцен»¹¹⁸ пишет: «В письмах Тургенева мы находим указание даже на непосредственное его участие в «Колоколе», на то, что он написал для журнала несколько статей, хотя установить документально, какие именно, до сих пор не удалось. «Мне очень весело, что моя статейка вам понравилась, а писал ее mit schweren Herzen. Дальнейшее рекомендую себя вашей снисходительности» — пишет он 7 января 1858 г.» Мы не знаем, почему автор говорит о нескольких статьях: приведенное им место может навести на мысль лишь об одной статье. Но заключение даже и об одной статье, написанной Тургеневым для «Колокола», было бы ошибочно. Под «статейкой» Тургенев здесь подразумевает свой очерк «Поездка в Полесье», напечатанный в октябрьской книжке журнала «Библиотека для чтения». 31 декабря 1857 г. Герцен писал ему: «Читал я твою превосходнейшую вещь в [Библиотеке] для чтения»; кроме одного места, где ты уже очень налиризинчал, удивительно хорошо». Вот на эту похвалу Герцена Тургенев и отозвался.

1862 год был последним годом, в который, хотя бы и в слабой степени, проявилось сотрудничество Тургенева в изданиях Герцена. Уже в этом году весьма определенно наметились пункты его резкого расхождения с Герценом в общественном мирозерцании. Следующий год был годом польского восстания, когда все консервативное и либеральное общество панически шарахнулось от Герцена, оставшегося почти в одиночестве. В связи с политическим расхождением, испортились и их личные отношения, особенно после того, как Тургеневу в январе 1864 г. пришлось давать в сенатской комиссии ответы относительно своих отношений к Герцену. Не только окончилась помощь Тургенева Герцену в его издательской деятельности, — на время произошел полный перерыв даже в их личной переписке.

Тургенев Николай Иванович — декабрист-эмигрант. Герцен относился к нему, как к представителю декабристов, с глубоким пиететом. Тургенев в 50-е и 60-е годы очень часто выступал как публицист, но свои произведения он, по большей части, печатал отдельными брошюрами в Лейпциге, а в изданиях Герцена почти не выступал. Только в № 155 «Колокола», за подписью автора, помещено «Письмо к редактору» Тургенева, касающееся записок Якушкина, изданных Герценом. «Письмо» Тургенева в том же 1862 г. было выпущено «Вольной русской типографией» и отдельным изданием. Кроме того существует указание еще на одну статью Н. И. Тургенева в «Колоколе». В № 70 находится анонимная статья «Возражение на 63-й № «Колокола» (Письмо к издателю «Колокола»)». Возражение касается статьи Огарева «Комиссии для составления положений о крестьянах». В. Я. Богучарский говорит, что это возражение принадлежит «по всем признакам» Н. И. Тургеневу. В библиографическом указателе Н. М. Ченцова — Восстание декабристов — этой статьи в произведениях Тургенева не значится.

Вообще, Н. И. Тургенев выступал в печати не анонимно, а подписывая свои произведения.

Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829—1913) — жена Огарева, а затем Герцена, в общем, стояла вдалеке от их издательской деятельности. Вот единственное, что она отмечает в своих воспоминаниях: «Когда печатали второе издание номеров «Колокола», я держала корректуру, потому что это было очень легко: набирая с печатного, Чернецкий делал весьма мало ошибок»¹¹⁹.

Тхоржевский Станислав — польский эмигрант с 1845 г. В начале 50-х годов открыл в Лондоне небольшую книжную лавку, главным образом, для нужд польской эмиграции. Сблизился с Герценом очень скоро по приезде последнего в Лондон. На ряду с Чернецким, был ближайшим техническим помощником Герцена в его издательском деле. Заведывал издательством и распространением русской заграничной литературы, вел деловую переписку, исполнял всевозможные поручения Герцена по издательству. Был преданным другом всей семьи Герцена. В 1865 г. переехал вместе с Герценом в Женеву и поселился в его доме. Умер, повидимому, в 80-х годах.

Унковский Алексей Михайлович — известный либеральный общественный деятель. В 39 номере «Колокола» была впервые напечатана его записка по крестьянскому делу, поданная Александру II в октябре 1857 г. В примечании Герцен указывает, что он не знает Унковского и не во всем с ним согласен, но считает полезным обнародование его проекта, не появлявшегося в печати в России. Далее, IX книжка «Голосов из России» (1860 г.) целиком занята «Соображениями по докладом редакционных комиссий» Унковского. Во вступительной заметке Герцена и Огарева говорится: «Мы с особенной готовностью и уважением издаем эту книжку «Голосов из России». Несмотря на то, что в некоторых частностях мы не совсем согласны с автором, мы убеждены, что ее появление полезно; в ней слышен голос здравого смысла в пользу блага общественного. Эту статью приписывают г. Унковскому. Если это правда, то мы просим прощения у почтенного автора, что печатаем ее без его согласия; мы получили ее в нескольких экземплярах и потому не думаем, чтоб эта статья была тайна; а издаем ее потому, что это полезно». Герцен и Огарев, конечно, знали наверное, что статья принадлежит Унковскому, и все их заявление было сделано для того, чтобы избавить Унковского от ответственности за выступление в нелегальной печати. Как именно редакция «Колокола» получила рукопись Унковского — неизвестно. В своих воспоминаниях Унковский утверждает, что его статьи печатались у Герцена без его, Унковского, ведома.

Утин Николай Исаакович (1845—1883) — участник революционного движения 60-х годов, член Центрального комитета «Земли и Воли», эмигрант с 1863 г. Поселившись в Лондоне, в первое время занялся организацией переправки герценовских изданий в Россию, затем переехал в Швейцарию. Был членом I Интернационала, членом редакции газеты «Народное дело». Разойдясь с Бакуниным, принимал деятельное участие в борьбе Интернационала против него. В половине 70-х годов отошел от революционной деятельности и служил в промышленных предприятиях известного Полякова. В 1877 г. подал прошение о помиловании с выражением раскаяния и в 1880 г. вернулся в Россию. Герцен в письме к Огареву 1868 г. называл его «самым лицемерным из наших заклятых врагов», т. е. из молодой женеvской эмиграции. В № 169 «Колокола» появилось заявление Утина Центральному комитету «Земли и Воли». По сообщению Б. П. Козьмина, на основании неопубликованных писем Утина, хранящихся в Литературном музее, можно установить его авторство относительно следующих вещей в «Колоколе»: 1) «Еще об университетской реформе», № 177; 2) «Николай Гаврилович Чернышевский», № 189. Статья подписана «Z». До сих пор она обыкновенно приписывалась В. А. Зайцеву; 3) Коротенькие заметки о книгах «Невский сборник» и «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова в № 238 (в «Смеси»).

В «Колоколе» же, в прибавлении к № 119—120 (15 января 1862 г.), стр. 1001, без подписи автора, напечатано в статье «Михайлов и студентское дело» стихотво-

рение «Узнику» («Из стен тюрьмы, из стен неволи...»). Стихотворение это, со слов Л. Ф. Пантелеева, связывается с Н. И. Утиным.

Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864) — товарищ министра государственных имуществ с 1856 г., потом сенатор; участник проведения крестьянской реформы. В 1860—1862 гг. им были выпущены анонимно в Берлине ценные «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» в трех частях. В «Литературном Наследстве», № 22—24 (стр. 257—275), убедительно высказано предположение, что Хрущев был корреспондентом Герцена. По всей вероятности, им был доставлен Герцену ряд сенатских документов по делу несправедливо осужденного петербургского купца

Н. В. ШЕЛГУНОВ

Фотография

Литературный музей, Москва

Малкова. Дело это очень интересовало Хрущова; он даже подал по этому поводу особое «всеподданнейшее» письмо Александру II, за что получил внушение от министра внутренних дел. Документы по делу Малкова опубликованы Герценом в № 1 «Под суд»; публикация называется «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова». Ход доказательств и самый язык примечания к этой публикации, особенно в определении наказания, следуемого по закону Игнатьеву и др., совершенно аналогичны такому же определению о М. Безобразове и др. в «Материалах» Хрущова. Весьма вероятно, что Хрущовым было переслано в «Колокол» и письмо о Ямбургском деле о насилиях над крестьянами, совершавшихся петербургским губернатором Смирновым. См. заметку «Нарвская революция и рукопашный Каваньяк-Смирнов» в № 91 «Колокола».

Худяков Иван Александрович (1842—1876) — революционер, исследователь-фольклорист, составитель популярных книжек для народа. Во второй половине 1865 г. он прожил 3 месяца за границей, имея сношения с Герценом и рядом других женеvских эмигрантов. Напечатал в этом году в «Вольной русской типографии» книжку — «Игнатий. Для истинных христиан» — подбор цитат из библии, на-

правленных, главным образом, против царей и начальства, с пояснениями автора. После покушения Каракозова был арестован в 1866 г. и явился одним из главных обвиняемых по делу Ишутина и др. Приговорен к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири. Поселен в Верхоянске в ужаснейших условиях; занимался изучением языка и быта якутов. В начале 70-х годов стал обнаруживать признаки душевного расстройства; в 1875 г., уже совершенно больным, переведен в Иркутск, в больницу, где и умер.

Цебриков Николай Романович (1800—1866) — декабрист; был осужден по X разряду, сослан в Сибирь, затем служил на Кавказе, сначала рядовым, с 1837 г. — прапорщиком. В 1840 г. вышел в отставку, состоял на государственной службе, управлял разными фабриками и имениями, сильно нуждался.

В противоположность большинству декабристов, до конца жизни сохранил свои радикальные убеждения. В 1850-х гг. выступает в качестве человека, связанного с студенческим движением тех лет, страстного поклонника Герцена и его идей.

Ему принадлежат «Воспоминания о Кронверкской куртинс» и очерк «Анна Федоровна Рылееза», напечатанные в пятой книге «Полярной Звезды» (первая из названных работ перепечатана в «Собрании материалов для истории возрождения России», т. I; вторая — в «Библиотеке русских авторов», т. I). Им была послана Герцену также статья о Ермолове, оставшаяся, однако, неопубликованной (о ней упоминается в предисловии ко II тому «Исторического сборника Вольной русской типографии») и увидевшая свет лишь в 1931 г. в сборнике «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I, см. здесь посвященную ему публикацию Сергея Гессена, стр. 245 сл.

Чернецкий Людвиг — польский эмигрант. С самого основания «Вольной русской типографии» в Лондоне принял на себя заведывание ею. Вместе с Тхоржевским был незаменимым помощником Герцена в его деле. В статье 1863 г., посвященной десятилетию «Вольной русской типографии», Герцен писал: «И вот с тех пор, любезный Чернецкий, мы десятый год печатаем с вами без устали и отдыха и имеем уже порядочную биографию нашего станка и порядочный ворох книг... Дайте вашу руку на новое десятилетие и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что я вам еще раз говорил наедине. Помощь, которую вы мне сделали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мне облегчила весь труд». В 1865 г. Чернецкий вместе с Герценом переехал в Женеву и продолжал работать с ним. В 1866 г. Герцен передал ему в собственность типографию; с 1867 г. она официально стала называться «Типографией Л. Чернецкого». Перед смертью Герцен назначил для Чернецкого 10.000 франков из Бахметевского фонда, но тот пожелал, чтобы эти деньги были обращены на дело пропаганды. После смерти Герцена дела типографии совсем пошатнулись, и Чернецкий в 1872 г. продал ее. Умер от болезни сердца в Женеве 18 июня 1872 г.

Чичерин Борис Николаевич. — Он был одним из наиболее ранних сотрудников Герцена, появившихся в России после начала нового царствования. Был самым плодовитым поставщиком статей в первые книжки «Голосов из России». Но с самого начала у него была настороженность против Герцена и желание подчеркнуть свое расхождение с ним. «...Направление Герцена, выразившееся в «Полярной Звезде» и в разных речах и брошюрах, было до такой степени противно нашим ¹²⁰ целям и убеждениям, что мы нашли вместе с тем ¹²¹ нужным послать ему письмо с заявлением несогласия с его взглядами» ¹²². Первою вещью, которую Чичерин напечатал в «Голосах из России», было «Письмо к издателю в виде предисловия», с подписью «Русский либерал» (книжка первая, 1856 г.). Статью эту писали совместно Чичерин и Кавелин: первая половина, до стр. 20, принадлежит Кавелину, вторая — Чичерину. В I вып. 2-й части «Голосов» (1856) Чичерину принадлежит статья «О крепостном состоянии», в 3-й книжке (1857) — «Об аристократии, в особенности русской», в 4-й книжке (1857) — «Современные задачи русской жизни» ¹²³.

В своих воспоминаниях Чичерин говорит еще ¹²⁴, что в «Голосах из России» напечатана его маленькая статья под заглавием «Священный союз и австрийская политика». Несмотря на такое категорическое заявление и на то, что в оглавлении

нии 1-й книжки эта статья, действительно, значится — ее не имеется ни в одной из книжек «Голосов из России».

Единственное выступление Б. Н. Чичерина в «Колоколе» вызвало большое волнение в литературно-общественных кругах. В 29 номере Герцен напечатал большое письмо к нему Чичерина (с подписью «Ч.»), полное тяжелых обвинений против общественной позиции Герцена. Герцен дал этому обращению к нему Чичерина заголовок «Обвинительный акт» и во вступительной заметке писал: «Обвинительное письмо, печатаемое нами сегодня, существенно отличается от прежних писем против «Колокола». В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна. Ничего подобного в этом письме. Те были писаны с нашей стороны, оттого в самих несогласиях и упреках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно противной точки зрения, т. е. с точки зрения административного прогресса, гувернаментального доктринаризма». «Обвинительный акт» Чичерина вызвал массу выражений сочувствия Герцену; некоторые из них появились в «Колоколе». Но и у Чичерина в определенных кругах общества оказалось не мало единомышленников, радовавшихся тому, что против Герцена начат открытый поход.

Чичерин Владимир Николаевич — бывший офицер лейб-гвардии кирасирского её величества полка. Его участие в одном из герценовских изданий открывает Б. Н. Чичерин. «Брату Владимиру, который в это время вышел уже в отставку и поселился в деревне, я заказал статью о полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях, которая впоследствии также была напечатана в «Голосах из России»¹²⁵. Статья Владимира Чичерина «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях» находится в «Голосах из России», ч. II, вып. 1, стр. 46—109.

Чумиков Александр Александрович (1819—1902) — известный в свое время педагог и литератор, издатель журнала «Воспитание» (в 1860—1863 гг.). Чумиков вступил в письменные сношения с Герценом еще в 1851 г.: он выразил ему свои симпатии по поводу его литературной деятельности и предложил прислать какие-то литературные материалы. То, что было прислано Чумиковым, Герцен пытался через Мишле поместить во французской прессе (повидимому, это были какие-то извлечения из Гакстгаузена)¹²⁶. В 1859 г. Чумиков прислал Герцену большое письмо, написанное в довольно развязном тоне¹²⁷, в котором отчасти критиковал герценовские издания по существу, а главное — резко отзывался о неумелом их распространении. Резкости этого письма вызвали даже Герцена на статью «Выговор по службе» («Колокол», № 48). Одновременно с этим письмом Чумиков прислал и какие-то материалы для напечатания. Об этом можно заключить из письма к нему Герцена от 7 июля 1859 г., начинающегося словами: «Благодарю вас за присланное и за письмо. Присланное будет употреблено».

Шевелев Николай Александрович (род. около 1826 г.) — отставной подпоручик. Совершенно не выясненная личность. В 60-е годы подвергался арестам, скрывался за границу. Участвовал в пештской газете «Новины», выпустил сочинение «Русский глас к словакам». Вместе с Л. Мечниковым участвовал в составлении книжки «Землеписание для народа», напечатанной в 1868 г. в «Вольной русской типографии» в Женеве (именно в первом отделе, посвященном странам Западной Европы, Азии, Африки и Америки). Кроме того, есть некоторые основания, предпологать, что он был автором книжки «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами», напечатанной в женевской «Вольной русской типографии» в 1865 г. В конце 60-х годов Шевелев обвинял Герцена в распространении через венгерца Клопку слухов о том, что он, Шевелев, — русский шпион (слух этот циркулировал тогда за границей и даже проник в печать). Герцен в письмах к Огареву опровергал факт своего разговора с кем-нибудь о Шевелеве. В 1871 г. Шевелев был арестован в Париже по обвинению в принадлежности к Парижской Коммуне и в 1872 г. выдан русским властям. Судился в 1876 г. по ряду обвинений особым присутствием сената и приговорен к 10 годам каторги в крепостях. В виду его «умопомешательства», содержался в больнице для душевнобольных. В 1881 г. отправлен в Сибирь. Жил в Туринске Тобольской губ.¹²⁸

Шелгунов Николай Васильевич. — В 1861 г. написал прокламацию «К молодому поколению», отпечатанную в «Вольной русской типографии». В составлении прокламации принимал некоторое участие М. И. Михайлов, который после ареста взял всю вину на себя и, как автор прокламации «К молодому поколению», пошел на каторгу. Авторство Шелгунова установлено его собственным заявлением в «Воспоминаниях»¹²⁹. Герцен, хотя и позволил напечатать воззвание «К молодому поколению» в своей типографии, не одобрял его содержания, как говорит Шелгунов. «Мы заклинали его не печатать своей прокламации», пишет Герцен о Михайлове в статье «Нашим врагам» («Колокола», № 14—15). Таким образом, Герцен имел к прокламации только типографское отношение.

Шелкан Виктор. — В № 197 «Колокола» он поместил «Письмо к издателю», в котором рассказал свою историю. Шелкан служил учителем в полтавском кадетском корпусе. Заболел воспалением легких, которое перешло в чахотку, он в мае 1862 г. подал прошение об отставке и в июне получил увольнение. 15 августа ему было объявлено, что по распоряжению высшего правительства он немедленно должен быть отправлен в Астрахань под надзор полиции. Перед отъездом он написал министру внутренних дел письмо (довольно резкое). Из Астрахани обращался письменно к царю, прося назначить над ним следствие. В феврале 1863 г. было получено распоряжение из Петербурга перевести его в Енотаевск, город ужасный в климатическом отношении и не имеющий даже аптеки. По его прошению было произведено официальное освидетельствование его здоровья; врачебная управа нашла, что ему нужно ехать в Каир. В мае 1863 г. эта поездка была разрешена ему, но с тем, чтобы каирский вице-консул имел за ним тщательный надзор и чтобы по возвращении он немедленно был опять отправлен в Астрахань. Когда по дороге он почувствовал себя в Одессе больным и хотел там задержаться, то Валуев приказал одесскому градоначальнику отправить его назад в Астрахань, если он не выедет за границу без малейшего промедления. В конце своего письма, писанного в Александрии в сентябре 1864 г., Шелкан ставит вопрос, для чего у нас издаются законы? «Украшая собою, в виде толстых книжек, полки шкафов в правительственных местах, они нисколько не стесняют русского правительства, и разные Валуевы хозяйничают и будут хозяйничать в нашей матушке России, как им вздумается... до поры, до времени, разумеется. Вследствие различных обстоятельств я предполагаю скоро вернуться в Россию, тем не менее прошу вас, милостивый государь, напечатать это письмо в «Колоколе» с моей подписью». Других сведений о Шелкане у нас нет.

Эберман Владимир Михайлович — уроженец Нижнего-Новгорода, он гимназистом бежал за границу и в 1860 г. был наборщиком в типографии Герцена — по свидетельству Кельсиева, плохим. Предложил русскому посланнику себя в шпионы; когда это стало известно, его выгнали из типографии. Позже был в Тульче учителем в молжанской школе. Принужденный уйти и оттуда, он в июне 1866 г. добровольно вернулся в Россию.

Элпидин Михаил Константинович (1835—1908) — известный эмигрант, владелец русской типографии в Женеве, а потом в Цюрихе, издатель. Осужденный по делу «Казанского заговора», он в июле 1865 г. бежал из казанской тюрьмы и эмигрировал. Перу Элпидина, несомненно, принадлежит статья «Казанский заговор 1863—1865 гг.» в №№ 205 и 206 «Колокола». Указаний на еще какое-нибудь участие Элпидина в герценовских изданиях не имеется, хотя оно вполне возможно.

Энгельсон Владимир Аристович (1821—1857) — эмигрант с 1850 г. Считал себя представителем «петрашевочно-спешневской» точки зрения в эмиграции, хотя не известно, как он понимал эту точку зрения. В эмиграции сошелся с Герценом; стоял к нему чрезвычайно близко во время его тяжелой семейной драмы. В начале 1853 г. между ними произошел разрыв на почве личных отношений. Занимаясь в этом году устройством типографии, Герцен с большим сожалением вспоминал об Энгельсоне. Он писал М. К. Рейхель 25 августа: «Он большой грех принял на душу, порвав такую связь... Он мне был бы бесконечно полезен по типографии... Жаль, очень жаль» Вскоре Герцен для пользы дела через Рейхель восстановил

отношения с Энгельсоном, и последний стал его сотрудником. В течение 1854 г. появились 4 его прокламации: «Первое видение святого отца Кондратия», «Второе видение святого отца Кондратия», «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий поклон», «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому вторично шлет низкий поклон». От первой прокламации Герцен пришел в положительный восторг; к следующим относился более критически, но и их считал хорошими. Он находил у Энгельсона положительный талант «языкомерзья антихристового» и предлагал ему написать «катехизис для мужика». Прокламации Энгельсона имеют историческое значение, как почти первая попытка обратиться с революционными призывами к широким народным массам, но объективно они стоят гораздо ниже восторженных оценок Герцена: они написаны в фальшиво-народном духе и многое в их содержании вызывает критику. В течение 1854 г., как по политическим разногласиям, так и, опять-таки, по личным причинам, отношения Герцена и Энгельсона вновь сильно испортились. Несмотря на это, Герцен, печатая в 1-й книжке «Полярной Звезды» на видном месте статью Энгельсона «Что такое государство?», предпослал ей такие строки: «Первый том наш богат. Писатель необыкновенного таланта и резкой диалектики прислал нам, только что разнесся слух о «П. З.», превосходную статью под заглавием: «Что такое государство?» Мы перечитывали ее десять раз, удивляясь смелости и глубине революционной логики автора». Эти лестные, — безусловно, слишком лестные, — строки были написаны в апреле 1855 г., а в мае, вследствие болезненной нервозности и ущемленного самолюбия Энгельсона, доведших его до совершенно недопустимых выходов, всякие отношения между ним и Герценом навсегда прервались.

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857) — декабрист. Якушкин относился к тем изданиям Герцена, которые ему были известны, в частности к «Полярной Звезде», с горячим интересом и симпатией. Об этом говорят, между прочим, два документа, напечатанные в «Былом», 1906 г., кн. IV. Это черновое письмо к Герцену по поводу 1-й книжки «Полярной Звезды» и рассказ об К. Ивашевой, написанный Якушкиным в исправление того, что говорится о ней в «Былом и думах». По словам В. Якушкина, написавшего предисловие к этим документам, рассказ об Ивашевой отправлен в Лондон не был; не известно, было ли переписано и отправлено первое письмо. В этом письме Якушкин, выказав Герцену свое глубокое уважение, вносит некоторые поправки к публикациям «Полярной Звезды» и сообщает, что он отправляет одновременно с письмом стихотворение Пушкина — «Noël» и «Во глубине сибирских руд», «Гражданин» — Рыльева и «Тень Рыльева» — Кюхельбекера. В. Якушкин говорит, что часть этих стихотворений была напечатана во 2-й книжке «Полярной Звезды»¹³⁰, но вместе с другими стихотворениями, — а это заставляет думать, что все они были получены Герценом от другого лица. Так как все-таки не исключена возможность, что Якушкин отправил стихотворения (независимо от того, по чьему списку их напечатал Герцен), то нужно отметить и Якушкина в числе возможных сотрудников Герцена. Во всяком случае, он стремился быть таковым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 466.

² Герцен, т. VII, стр. 187.

³ Герцен, т. XVI, стр. 422.

⁴ Герцен, т. VII, стр. 234.

⁵ На первых изданиях типографии стоит обозначение: «Вольное Русское Книгопечатание при Польском Демократическом Товариществе».

⁶ Герцен, т. VIII, стр. 290.

⁷ Герцен, т. XVI, стр. 129—130.

⁸ К этому Герцен сделал примечание: «Н. Трюбнер, вообще, принес большую пользу русской пропаганде, и имя его не должно быть забыто в «Сборнике» русской типографии». См. предисловие Герцена к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», — Герцен, т. XVI, стр. 134.

⁹ Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, Л., 1929 г., изд. «Academia», стр. 169—170.

¹⁰ Герцен, т. XVI, стр. 134.

¹¹ «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 176.

- 12 Герцен, т. XVII, стр. 346.
 13 Герцен, т. XVIII, стр. 6, 8, т. XIX, стр. 300.
 14 Герцен, т. XXI, стр. 184—187.
 15 Герцен, т. XIX, стр. 226.
 16 «Загадочный человек», — «Заря», 1871 г., июнь.
 17 Н. В. Шелгунов, Воспоминания, 1923 г., стр. 157.
 18 В. П. Мещерский, Мои воспоминания, часть первая, СПб., 1897 г., стр. 70.
 19 Герцен, т. XV, стр. 99 (прим. Лемке).
 20 Б. Козьмин, Кто был автором «Писем русского человека» к Герцену, — «Литературное Наследство», № 25—26.
 21 Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, стр. 181.
 22 «Вольное Слово», 1883 г., № 60, стр. 5.
 23 Там же, стр. 6.
 24 Герцен, т. XXII, стр. 126.
 25 «Мурановский Сборник», вып. I, 1928 г., стр. 86—88.
 26 Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, стр. 218.
 27 «Русский Архив», 1912 г., кн. XII, стр. 569.
 28 Сочинения Екатерины II, издание Академии Наук, т. XII, вып. II, СПб., 1907 г., стр. 709.
 29 См. еще: М. П. Алексеев, Пушкин и библиотека Воронцова («Пушкин. Статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, вып. II, Одесса, 1926 г., стр. 96). В «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой, изд. «Academia» (1929 г.), С. А. Переселенков в примечании на стр. 220 говорит, что когда он обратился с вопросом о Бартеневе к одному близкому к последнему лицу, то это лицо «категорически ответило мне отрицательно». Мы не придаем значения этому отрицанию: совершенно естественно, что Бартенев, умерший еще при старом режиме, весьма тщательно скрывал свое ближайшее участие в обнародовании «Записок» Екатерины.
 30 т. е. Бейдеман.
 31 Герцен, т. XVIII, стр. 171.
 32 П. Е. Щеголев, Таинственный узник, П., 1920 г., стр. 44.
 33 Герцен, т. XI, стр. 29—30.
 34 «Заря», 1869 г., № 3.
 35 Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, 3-е изд., М., 1898 г., стр. 533—538.
 36 Там же, стр. 104—106.
 37 Герцен, т. XVI, стр. 278—279.
 38 Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, стр. 248.
 39 «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 116.
 40 Герцен, т. XIV, стр. 374.
 41 «Звенья», кн. III—IV, стр. 405.
 42 «Записки современника о 1861 г.» — «Красный Архив», 1926 г., кн. III (16), стр. 122.
 43 Б. Глинский. Среди литераторов и ученых, СПб., 1914 г., стр. 67. Следует отметить факт сотрудничества В. Буренина в нелегальных изданиях: в № 2-м эллидинского журнала «Подпольное слово» (Женева, 1866) был напечатан его перевод сатирического стихотворения Огюста Барбье на события 1830 г. во Франции «La cigée», под заглавием «На добычу»; то же стихотворение под заглавием «Собачий пир» в более резком переводе В. Г. Бенедиктова было напечатано в сборнике «Русская потаенная литература», стр. 350—354.
 44 Известный немецкий издатель.
 45 Герцен, т. IX, стр. 226.
 46 Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 366, 386, 509.
 47 «Каталог русской библиотеки М. Эллидина», Женева, 1889 г.; В. Бурцев, За сто лет, т. II, стр. 69.
 48 Герцен, т. XIX, стр. 273—274.
 49 Там же, стр. 311.
 50 Герцен, т. XXII, стр. 128.
 51 Герцен, т. XIV, стр. 615.
 52 Ошибка, вместо: афинский.
 53 Герцен, т. XI, стр. 240.
 54 В настоящее время можно считать установленным, что автором письма был все-таки Долгоруков.
 55 Герцен, т. XVIII, стр. 16; т. XIX, стр. 194.
 56 Герцен, т. XX, стр. 203, 205, 245, 262.
 57 «Минувшие Годы», 1908 г., кн. I, стр. 291. О принадлежности статьи о Критских Ефремову говорит и Лемке в «Былом», 1906 г., кн. VI, стр. 41.
 58 Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма, т. II, 1923 г., стр. 120.

- ⁵⁹ См. Некрасов, Полное собрание стихотворений, под ред. Корнея Чуковского, 1927 г., стр. 442, 565.
- ⁶⁰ «Исторический Вестник», 1890 г., кн. IV, стр. 113—115.
- ⁶¹ О «Шарманке» см. еще: В. Евгеньев, Николай Алексеевич Некрасов, М., 1914 г., стр. 216—220. Евгеньев-Максимов, раньше склонявшийся к тому, что бы считать «Шарманку» некрасовской вещью, позже стал приписывать ее Зотову («Звенья», кн. III—IV, стр. 662).
- ⁶² «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 7.
- ⁶³ «Вестник Европы», 1913 г., кн. III, стр. 13.
- ⁶⁴ «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 9.
- ⁶⁵ Там же, стр. 12.
- ⁶⁶ Герцен, т. XVI, стр. 150, 202.
- ⁶⁷ Н. И. Утин и другие.
- ⁶⁸ Герцен, т. XIV, стр. 404.
- ⁶⁹ т. е. были отвергнуты Герценом и Огаревым.
- ⁷⁰ «Голос Минувшего», 1918 г., кн. VII—IX, стр. 175. Следует помнить, что это писалось, до возникновения «Колокола».
- ⁷¹ Сообщено нам Б. П. Козьмным.
- ⁷² Статья «Письмо к издателю». Перепечатана: П. Л. Лавров, «Избранные сочинения на социально-политические темы», изд. Политкаторжан, М., 1934 г., стр. 108—117.
- ⁷³ О Лафит де ля Пельпоре см. Larousse, Grand dictionnaire universel du XIX siècle; «Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам святейшего синода и другим лицам с 1846 по 1867 год», П., 1915 г., стр. 147—148.
- ⁷⁴ Московский генерал-губернатор.
- ⁷⁵ «Вольное Слово», 1883 г., № 58.
- ⁷⁶ Б. Н. Чичерин, Москва сороковых годов, стр. 159—160, 171.
- ⁷⁷ Младший Станкевич, т. е. Александр Владимирович.
- ⁷⁸ Герцен, т. XV, стр. 473.
- ⁷⁹ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 151.
- ⁸⁰ Сообщение Б. П. Козьмина, основанное на архивных данных.
- ⁸¹ «Вестник Европы», 1911 г., кн. III, стр. 13.
- ⁸² «Звенья», кн. III—IV, стр. 405.
- ⁸³ «Колокол», № 14—15. Герцен, т. XXI, стр. 206.
- ⁸⁴ Капп Фридрих — немецкий эмигрант, переселившийся в Америку и оттуда поддерживавший переписку с Герценом.
- ⁸⁵ т. е. кричали «виват!»
- ⁸⁶ Герцен, т. XVII, стр. 69—70.
- ⁸⁷ Герцен, т. XI, стр. 136.
- ⁸⁸ В. Евгеньев, Николай Алексеевич Некрасов, М., 1914 г., стр. 218.
- ⁸⁹ т. е. все номера «Колокола», начиная с № 197, когда газета стала выходить в Женеве.
- ⁹⁰ Авторство Николадзе устанавливается в известной официальной работе: Н. Н. Голицын, История социального движения в России. 1861—1881. Глава десятая, СПб., 1887 г. (в продажу не поступала).
- ⁹¹ «Заря», 1871 г., июнь, стр. 27.
- ⁹² «Красный Архив», 1928 г., т. 6 (31), стр. 226.
- ⁹³ Издана отдельной брошюрой «Вольной русской типографией» в 1861 г.
- ⁹⁴ «Русский Вестник», 1889 г., кн. V, стр. 283.
- ⁹⁵ «Русская Старина», 1902 г., кн. V, стр. 319—321.
- ⁹⁶ «Русская Старина», 1902 г., кн. V, стр. 326—327.
- ⁹⁷ Ф. А. П-в. Из воспоминаний 1859—1861 годов. — «Исторический Вестник», 1907 г., XI, стр. 479.
- ⁹⁸ «Записки современника о 1861 годе», — «Красный Архив», 1926 г., 3 (16). — «Русский биографический словарь».
- ⁹⁹ О Печерине см. М. Гершензон, Жизнь В. С. Печерина, М., 1910 г.
- ¹⁰⁰ Герцен, т. VIII, стр. 228—229. В 1850 г. началась тяжелая семейная драма Герцена.
- ¹⁰¹ Условное имя Пикулина.
- ¹⁰² «Красный Архив», т. 3, 1923 г., стр. 79.
- ¹⁰³ «Красный Архив», 1929 г., т. 4 (35), стр. 179.
- ¹⁰⁴ Герцен, т. XVII, стр. 383.
- ¹⁰⁵ Герцен, т. VII, стр. 292.
- ¹⁰⁶ Герцен, т. XVII, стр. 54.
- ¹⁰⁷ «Вольное Слово», 1883 г., № 59, стр. 11—12.
- ¹⁰⁸ Герцен, т. XI, стр. 136, 314.
- ¹⁰⁹ Герцен, т. XI, стр. 136; XVI, 37, 255—256.
- ¹¹⁰ Герцен, т. XI, стр. 54.
- ¹¹¹ Там же, стр. 30.

¹¹² Там же, стр. 356—357.

¹¹³ Герцен писал, что его мать была «знаменитая Витгенштейн» (Герцен, т. XIX, стр. 187). Утверждение это неправильно. Мать Н. П. Трубецкого была Баранова. Имя и отчество её в родословных кн. Трубецких не указано.

¹¹⁴ Герцен, т. XIV, стр. 378—379.

¹¹⁵ После этого Герцен в своих изданиях («Колокол» и «Под суд!») еще не раз возвращался к делу Кочубея. Его разоблачения вызвали большую сенсацию.

¹¹⁶ «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 119.

¹¹⁷ Свидание в Варшаве Александра II с австрийским императором и прусским принцем-регентом.

¹¹⁸ Сборник «И. С. Тургенев», изд. Института литературы и искусства, Л., 1934 г.

¹¹⁹ Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, стр. 262.

¹²⁰ Чичерин говорит о себе и Кавелине.

¹²¹ т. е. при посылке ему своей рукописи.

¹²² Воспоминания Б. Н. Чичерина, Москва сороковых годов, М., 1929 г., стр. 172.

¹²³ Там же, стр. 161, 163.

¹²⁴ Там же, стр. 159.

¹²⁵ Б. Н. Чичерин, Москва сороковых годов, стр. 163—164.

¹²⁶ Герцен, т. VI, стр. 427—432, 466, 523, 532—533.

¹²⁷ Например: «Повторяю, если вы не признаете в себе редакторского таланта, то вызовите, стоит только клич кликнуть!» («Голос Минувшего», 1913 г., кн. V, стр. 235).

¹²⁸ Герцен, т. XXI, стр. 309, 318. Некоторые сведения о Шевелеве имеются в био-библиографическом словаре революционных деятелей Шилова и Карнаухова.

¹²⁹ Н. В. Шелгунов, Воспоминания, 1923 г., стр. 33.

¹³⁰ Письмо Пушкина «В Сибирь» и «Гражданин» Рылеева.